

★ АНДРЕЙ МУСАЛОВ ★

ЗЕЛЕННЫЕ ПОГОНЫ АФГАНИСТАНА

Военно-исторические книги издательства «Яуза»

Андрей Мусалов

Зеленые погоны Афганистана

«Яуза»

2019

УДК 93/94
ББК 68

Мусалов А. Н.

Зеленые погоны Афганистана / А. Н. Мусалов — «Яуза»,
2019 — (Военно-исторические книги издательства «Яуза»)

ISBN 978-5-6040916-4-7

15 февраля 1989 г. последний советский солдат покинул территорию Демократической республики Афганистан. Десятилетняя Афганская война закончилась... Но и сейчас, по прошествии 30 лет, история этой войны покрыта белыми пятнами, одно из которых – участие в ней советских пограничников. Сам факт участия «зелёных фуражек» в той, ныне уже подзабытой войне, тщательно скрывался руководством Комитета государственной безопасности и лишь относительно недавно очевидцы тех событий стали делиться воспоминаниями. В этой книге вы не встретите подробного исторического анализа и статистических выкладок, комментариев маститых политологов и видных политиков. Здесь только правда от лица солдат и офицеров, носивших зелёные фуражки и зелёные погоны. Стремясь защитить южные рубежи Советского Союза, руководство КГБ СССР отправило этих воинов за границу страны, поставив задачу не допустить расползания пожара с территории полыхавшего Афганистана. И эта задача была выполнена в полном объёме!

УДК 93/94

ББК 68

ISBN 978-5-6040916-4-7

© Мусалов А. Н., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

От автора	7
Предисловие	8
Часть 1	27
Первые «за речкой»	29
Война набирает обороты	41
Часть 2	68
Война – день за днем	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Андрей Мусалов

Зеленые погоны Афганистана

Военно-исторические книги издательства «Яуза»

В оформлении обложки использована картина художника
Ю. Карпенко «Я вернулся, мама!»,
предоставленная Центральным пограничным музеем ФСБ России

От автора

Книга, которую вы держите в руках, посвящена советским пограничникам, принимавшим участие в афганской кампании 1979–1989 годов. Долгое время информация об их участии в том вооруженном конфликте, оставалась за завесой секретности. Впрочем, как и многое, что было связано с пребыванием советской стороны в Афганистане.

Сам факт участия «зеленых фуражек» в той, ныне уже подзабытой войне тщательно скрывался руководством Комитета государственной безопасности, в состав которого в советские времена входили Пограничные войска. Лишь относительно недавно очевидцы тех, ныне далеких событий, стали делиться воспоминаниями.

Будучи корреспондентом журналов «Пограничник», «Ветеран границы», «Пограничник Содружества», газеты «Граница России», я свыше 20 лет собирал материалы для этой книги. Мне повезло стать одним из первых, с кем бывшие воины-пограничники делились воспоминаниями о тех огненных днях, что им довелось провести на земле Демократической Республики Афганистан. За годы работы удалось записать множество рассказов от первого лица, которые отличает отсутствие идеологического налета и пафосных штампов. Рассказчики делились тем, что пережили сами, давали собственные оценки происходивших событий, возможно не очень удобные для тех, кто хотел бы «подкорректировать» их воспоминания о той войне.

В этой книге вы не встретите подробного исторического анализа и статистических выкладок, комментариев маститых политологов и видных политиков. Здесь только правда от лица солдат, офицеров, носивших зеленые фуражки и зеленые погоны. Стремясь защитить южные рубежи

Советского Союза, руководство КГБ СССР отправило этих воинов за границу страны, поставив задачу не допустить расползания пожара с территории полыхавшего Афганистана. И эта задача была выполнена в полном объеме!

Сегодня многое изменилось. На земле Афганистана воюют и несут потери другие армии. Опасность радикального исламизма и терроризма выплеснулась на улицы крупных городов по всему миру. И мнение тех, кто когда-то навешивал непристойные ярлыки на советских воинов, возвращавшихся из Афганистана, ныне не сильно в почете. Напротив, неожиданно оказалось, что выполняя в ДРА так называемый «интернациональный долг», воины-афганцы, в том числе и пограничники – были первыми, кто вступил в бой с мировым злом, которое тогда, в восьмидесятые еще только набирало силу...

Андрей Мусалов

Предисловие

Большинству современных обывателей Афганистан представляется территорией, на которой всегда царит мрак и ужас непрекращающейся войны, в которую втянуты армии чуть ли не половины земного шара. Однако были времена, когда эта демократическая республика была спокойной страной Среднего Востока, в которой почти ничего не происходило. Однако под покровом внешнего спокойствия уже бурлили процессы, выплеснувшиеся в один из самых затяжных вооруженных конфликтов современной истории.

«Большая игра». Так английский писатель Редьярд Киплинг назвал противостояние между Российской и Британской империями, развивавшееся в ходе раздела сфер влияния в Южной и Центральной Азии. Многочисленные войны и пограничные конфликты, происходившие во время этой борьбы, не только перекроили существовавшие прежде границы, но и определили современный облик ряда государств региона.

Афганское государство появилось в 1747 году. Считается, что у истоков его основания стоял Ахмад Садозай-хан, из пуштунского племени Абдали, который был избран предводителем всех афганцев на Лойя Жирге (традиционно афганское собрание представителей народностей, принимающее решение большинством голосов в открытом голосовании). Своей столицей он избрал город Кандагар.

Опираясь на пуштунские племена, Ахмад Садозай-хан подчинил себе внутренние области современного Афганистана, распространив свою власть на провинции Герат, Кабул и северные регионы Балх и левобережья Амударьи, после чего столица державы была перенесена в город Кабул. Государство носило название Дурранийская империя, которая просуществовало до 1818 года. Затем, в результате борьбы за власть феодальных группировок, государство распалось на ряд самостоятельных эмиратов: Гератский, Кандагарский, Кабульский, Пешаварский. По своему политическому устройству афганские эмираты представляли собой феодальные деспотии.

Наиболее сильным считался Кабульский эмират, удачно расположенный на основных торговых путях между Индией и Средней Азией. Кроме того, находясь в центре других эмиратов, он был лучше защищен от нападений внешних врагов.

В 1875 году Фридрих Энгельс в своей статье «Афганистан» написал: «Афганцы – храбрый, свободолюбивый и энергичный народ... Война для них является развлечением и отдыхом от однообразных занятий и хозяйственных дел. Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией, но именно эта стихийность и непостоянство поведения превращает их в опасных соседей, поддающихся влиянию минутных настроений и легко увлекаемых политическими интригами, которые искусно возбуждают их страсти».

Эти особенности афганского менталитета в полной мере довелось узнать как соседям Афганистана, так и его завоевателям, в частности англичанам. Так называемые афганские войны происходили в 1838–1842 гг., в 1878–1880 и в 1919. При этом каждый раз колонизаторы получали достойный отпор и терпели поражение.

В XIX веке, стремясь использовать афганские земли в качестве плацдарма для колониальной экспансии в Среднюю Азию, Великобритания дважды пыталась оккупировать Афганистан и присоединить его к своим владениям в Индии.

Первая попытка состоялась в 1838–1842 годах, когда английские войска захватили города Кандагар, Газни и Кабул. В 1839 году в Афганистан вошла тридцатитысячная армия, под командованием генералов Уильяма Макноттена и Джона Кина. Задача заключалась в том, чтобы предотвратить набеги с территории Афганистана на британские владения в Индии. На

войну британцы отправились с семьями и слугами. Им удалось захватить Кабул и даже пленить эмира Дост Мухаммеда.

В ответ на это, в стране развернулась антибританская народная война. Войска захватчиков были рассеяны. Из всей армии до Джелалабада удалось добраться лишь одному счастливчику – доктору Брайдону. Английский посол Александр Бернс был разорван на куски толпой в Кабуле. Предпринятая в 1842 году карательная экспедиция закончилась для англичан окончательным разгромом.

Эмир Афганистана Мухаммед Якуб-хан с британскими офицерами. Май 1879 года

Вновь британцы появились в Афганистане после соглашения 1857 года, согласно которому афганский эмир Дост Мухаммед, в обмен на британские субсидии, вновь разрешил английским резидентам появляться в городах Афганистана. Вскоре последовала вторая афганская война, в ходе которой Афганистан, хоть и сохранил самостоятельность во внутренних делах, но утратил независимость во внешней политике.

В 1879 году англо-афганская война возобновилась. Кабульский эмир Якуб-хан в мае 1879 года был вынужден подписать с англичанами договор, по которому Кабульский эмират, а фактически весь Афганистан становился зависимым от Великобритании. Под силой натиска и возмущения населения вспыхнула народная антианглийская война. В 1880 году объединенные афганские отряды разбили (вблизи Кандагара) английскую бригаду и осадили захваченный англичанами Кабул.

Такой поворот событий заставил Великобританию отказаться от оккупации Афганистана. Чтобы узаконить насильственное отторжение афганских земель, Великобритания, в 1893 году направила в Кабул миссию М. Дюранда – секретаря по иностранным делам Британской Индии. Используя подкуп влиятельных вождей и знати, принудил эмира Кабула Абдурахман-хана подписать договор о новой индо-афганской границе, получившей впоследствии название «линия Дюранда» (сегодня это афгано-пакистанская граница).

Договор закрепил господство англичан над обширной территорией, заселенной пуштунскими племенами, и разделил их на две части, вследствие чего около шести миллионов афганцев оказались искусственно оторванными от своей родины. Такое положение сохраняется и

поныне. Многие племена полностью игнорировали и до сих пор игнорируют границу. Примечательно, что ни одно афганское правительство до сих пор не признает «линию Дюранда» в качестве законной границы. Это является причиной периодических осложнений афгано-пакистанских отношений.

Кроме того, согласно кабальным договорам 1879 и 1893 гг., Великобритания указывала афганцам – с кем им дружить, а с кем – нет. В частности, не следовало дружить с Российской империей, которая к тому времени вплотную придвинулась к северным рубежам Афганистана. В прямые конфронтации с русскими англичане не вступали, натравливая на них различные афганские племена.

В начале XX века началась третья афганская война. В феврале 1919 года эмир Аманулла-хан (1892–1960 гг.) собрал в одной из мечетей своих сторонников и вынув из ножен саблю, провозгласил освободительную войну против Великобритании, заодно провозгласив себя королем. А тем, кто был с этим не согласен, новоиспеченный король пообещал отрубить голову. В ответ на это Англия объявила войну, однако встретили упорное сопротивление. Третья война не продлилась долго – ослабленная Первой мировой войной, Британская империя была уже не способна удержать очередные мятежные колонии.

Положение колонизаторов осложнилось и тем, что в Индии начался подъем освободительного движения и действиями Красной Армии против английских интервентов после Октябрьской революции в Средней Азии. Все эти обстоятельства заставили англичан отказаться от продолжения войны и заключить в августе 1919 году предварительный мирный договор с Афганистаном, а в 1921 году окончательно признать полную независимость и установления с ними дипломатических отношений. В октябре 1921 года Великобритания была вынуждена признать независимость Афганистана.

Эмир Афганистана Аманулла-хан

Именно тогда в афганской партии появился новый (хотя, по большому счету, игрок был всем хорошо знаком). Слово «шурави», что в переводе означает «советский», впервые прозвучало в Афганистане вовсе не в 1979 году, когда на территорию ДРА (Демократическая Республика Афганистан) был введен ограниченный контингент, а в далеком 1919 году!

Советская сторона, являвшаяся в годы Гражданской войны жертвой агрессии со стороны стран Антанты, увидела в Афганистане отличного союзника в деле противостояния с Британской империей. Поэтому 27 марта 1919 г. Советская Россия первой признала независимость

Афганистана. Взаимное сотрудничество было выгодно и афганской стороне. 8 мая 1920 года Афганистан обратился к РСФСР с просьбой об оказании всесторонней (в том числе военной) помощи, а также с предложением заключить военный союз и торговый договор.

14 августа 1920 года в Кабул был доставлен дар Советского правительства – радиостанция, вместе с которой прибыл специальный технический отряд. Вскоре 8 афганцев были направлены на специальные курсы по связи для обучения в Ташкенте и прохождения практики в Самарканде и Ашхабаде. Это была первая группа афганских военнослужащих, обучавшихся в Советской России.

В результате успешных переговоров 13 сентября 1920 года в Кабуле советский представитель Я.З.Суриц и афганский министр иностранных дел Махмуд Тарзи парафировали текст советско-афганского договора о дружбе. Была также достигнута договоренность о том, что Советская Россия безвозмездно предоставит Афганистану 1 млн. рублей золотом и передаст большое количество вооружения, в том числе – 5 тыс. винтовок с необходимым запасом патронов и 12 самолетов. Для подготовки афганских летчиков, в Афганистане предусматривалось создание авиационной школы. В рамках сотрудничества планировалось строительство завода по изготовлению бездымного пороха и поставка оборудования для телеграфной линии Кушка – Герат – Кандагар – Кабул. Предусматривалось, что в Афганистан будут направлены технические и другие специалистов.

Великобритания была чрезвычайно встревожена усилением позиций Советской России в Центральной Азии. В начале января 1921 года она направила в Кабул миссию чрезвычайного уполномоченного Великобритании Генри Доббса. Тот выдвинул условие – если Афганистан аннулирует уже парафированный советско-афганский договор, вышлет из Кабула советского посла и других лиц, неугодных Англии, а последующие переговоры с другими странами будет вести через посредство британского правительства, то Англия окажет Афганистану военную помощь. В качестве дара планировалось передать 20 тыс. винтовок, 20 полевых батарей, вооружение для 20 пулеметных рот. Также империя обязывалась в течение 25 лет выплатить 40 млн. рупий, обещанных в свое время эмиру Хабибулле за соблюдение Афганистаном нейтралитета в Первой мировой войне.

Однако, эти попытки английских представителей склонить афганцев на свою сторону успеха не имели. Требования Г. Доббса были решительно отклонены. 28 февраля 1921 года состоялось подписание договора между РСФСР и Афганистаном. ВЦИК РСФСР ратифицировал договор 20 апреля 1921 года, а эмир Аманулла-хан, преодолев сопротивление внутренней оппозиции, ратифицировал его 14 августа 1921 года. Примечательно, что тот договор был бессрочным.

Аманулла-хан уделял особое внимание развитию военно-воздушных сил. Он вел переговоры с рядом государств, где уже имелись свои ВВС силы. В 1921 году три офицера сухопутных войск – Мухаммад Хасан, Мухаммад Хашем и Гулям Дастагир, даже были направлены в Италию на учебу в летную школу. Однако, именно Советская Россия поставила на крыло афганскую авиацию. Согласно договору о дружбе, под руководством советских инструкторов в Афганистане была создана собственная школа летчиков, для чего в Кабул из Термеза прибыла группа из 25 советских специалистов – летчиков и техников.

Кроме того, выполняя свои обязательства, Россия безвозмездно передала Афганистану и 12 самолетов. Первое звено из трех самолетов («Сопвич», «Ньюпор-24» и «Фарман»), предназначенных для Афганистана, к сентябрю 1921 года уже было переброшено в пограничный город Термез. Однако при ведении разведки «Фарман» был сбит басмачами, поэтому в Афганистан попало только два самолета. Это случилось 21 сентября 1921 г. – день, который можно считать днем рождения афганской авиации. А первым инструктором в кабульской летной школе стал советский летчик Иван Григорьевич Чучин.

Такое усиление взаимоотношений Советского государства и Афганистана встретили жесткое сопротивление Великобритании. В декабре 1923 года Англия в неофициальной форме предъявила Афганистану ультиматум – порвать дипломатические отношения с Советской Россией, грозя в случае отказа начать новую войну. Афганистан категорически отклонил необоснованные требования британской стороны.

В те годы еще не существовало термина «цветная революция». Однако, организовывать подобные события, для свержения неугодных правительств, британцы умели во все времена. Неудивительно, что в 1924 году в Афганистане вспыхнул антиправительственный мятеж. Англичане снабжали мятежников оружием и деньгами, а с другой стороны не пропустили через территорию Индии оружие и снаряжение для афганской армии, закупленное Афганистаном в Италии и Германии. Для поддержки афганского руководства Советский Союз разрешил транзит вооружения из Европы в Афганистан через свою территорию. В критический момент осени 1924 года, когда мятежники подошли к Кабулу на 80 километров, советское правительство передало Афганистану самолеты и вооружение. Советские летчики на боевых аэропланах «Де Хэвилленд» (Р -1) совершили перелет через Гиндукуш. Даже сегодня перелет через этот горный кряж, один из отрогов Памира, где отдельные горы достигают 7 тыс. метров над уровнем моря, не представляется простым. А для «этажерок» тех времен, он и вовсе был фантастическим!

Попав в Афганистан, советские пилоты способствовали разгрому мятежников. В боях участвовало 11 советских пилотов и техников. 6 октября ими были совершены боевые вылеты в район Зурмаха. Правда, активные боевые действия быстро истощили привезенный запас горючего и боеприпасов. А поскольку материальная база афганских ВВС отсутствовала, пришлось ждать из России вьючный караван, который прибыл только через неделю. Получив снабжение, 14 октября красные военлеты нанесли бомбовые удары по базам повстанцев в районе Хоста и Надрала. Англия заявила протест по поводу принятия Амануллой помощи от советской стороны, но он был оставлен без внимания.

В дальнейшем советская сторона продолжила обучение афганской армии, в том числе – ВВС. В соответствии с соглашением от 15 июня 1925 года афганской стороне было передано несколько самолетов, в 1925–1926 годах группа афганцев обучалась в советских военно-учебных заведениях, а советские военные авиационные специалисты помогали в Афганистане в организации боевой учебы афганских летно-технических кадров и в эксплуатации авиационной техники. В 1926 году в составе ВВС Афганистана насчитывалось 400 офицеров и солдат.

Кроме того, в 1924–1925 годах при технической помощи Советского Союза была построена телеграфная линия на железных опорах, соединившая Кушку, Герат, Кандагар и Кабул. А 28 ноября 1927 года между СССР и Афганистаном было подписано соглашение об установлении регулярного воздушного почтовопассажирского сообщения между Ташкентом и Кабулом.

В 1926 году Аманулла-хан заключил договор о нейтралитете и взаимном ненападении с СССР. В 1927–1928 годах посетил Индию, Египет, Италию, Францию, Великобританию, Германию, СССР, Турцию, Иран. В 1928 году с дружественным визитом он посетил СССР, заключив советско-афганский договор о нейтралитете и взаимопомощи. Его сопровождали нарком иностранных дел Г. В. Чичерин и нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов.

После возвращения в Афганистан, в августе 1928 года, Аманулла с еще большей настойчивостью продолжал осуществление своего замысла – иметь хорошо обученную, вооруженную современным оружием регулярную армию из восьми дивизий. Был принят закон о всеобщей воинской повинности. В соответствии с ним, военную службу должны были проходить все мужчины, достигнувшие 17 лет, срок службы увеличивался до трех лет, запрещался откуп от службы. При этом Аманулла опрометчиво сократил армию с 98 тыс. в 1920 году до 10 тыс. в 1928 году.

Благодаря поддержке советской стороны Аманулла-хан решился на проведение широкомасштабных реформ. Стремясь вывести страну из средневековья, афганский лидер был весьма смелым реформатором, в короткий срок осуществившим 64 реформы в различных областях.

Король, Аманулла-хан провел ряд прогрессивных преобразований. Было запрещено рабство, провозглашены неприкосновенность собственности жилища, равенство перед законом и другие гражданские права. Но нововведения не получили поддержки широких слоев населения. Реформы Амануллы-хана способствовали развитию национальной экономики и культуры, укреплению национальной независимости государства. К сожалению, процесс широкой реформации общества, делавшего первые шаги в направлении перехода от феодализма к системе буржуазных отношений, так и не был им завершен.

Эмир Хабибулло (Бачаи-Сакао)

Полугодовой вояж руководителя Афганистана по зарубежным странам не прошел бесследно. За время отсутствия Амануллы противники эмира сумели собрать большое число сторонников. Многие из них решили, что Аманулла-хан бежал из страны. Нередко под знамена мятежников переходили целые полки.

Начавшееся восстание возглавил бывший командир взвода гвардии эмира Бачаи-Сакао. Он происходил из таджикских дехкан. Будучи «сыном водоноса», Бачаи-Сакао решил поднять свой престиж и провозгласил себя эмиром Хабибулло. Примечательно, что из 8 членов его правительства, захватившего власть, четверо, включая самого эмира, были неграмотны. За 9 месяцев своего правления Хабибулло отменил все реформы эмира Амануллы.

В результате боевых действий повстанцы под командованием Хабибулло одолели правительственные войска и 17 января 1929 года заняли Кабул. К счастью, советские инструкторы были эвакуированы из Афганистана, поскольку, как водится на востоке, после перехода власти в столице началась резня, которая быстро перекинулась и на остальную территорию страны.

Массовые убийства носили не только племенной признак (победившие пуштуны резали хазарейцев), но и религиозный. Исламские фундаменталисты выступали против светского образования, фабрик, радио и других новшеств, развращающих, по их мнению, душу правого мусульманина (все это живо напоминает взятие спустя 60 лет все того же Кабула талибами).

Из страны начался поток беженцев, которые устремились в советскую Среднюю Азию. В их число входили десятки тысяч узбекских, таджикских, туркменских дехкан, в свое время бежавших за границу от большевиков. Как всегда это бывает, в потоке беженцев в СССР попало множество любителей легкой наживы и врагов советской власти. В то время их называли басмачами (басмач – от тюрк, «басмак» – нападать, налетать).

Появление большого числа басмачей не замедлило отразиться на обстановке в советской Средней Азии. 10 марта 1929 разведотдел САВО года сообщил в Москву: «Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллою отмечается резкое повышение активности басмашаек, учащаются случаи перехода на нашу территорию... Узбеки – бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ... Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствию на нашей границе...»

Советское руководство не собиралось мириться с приходом к власти в соседнем государстве реакционных сил. В феврале 1929 года им была установлена связь с Амануллоем-ханом, который с группой соратников находился в районе Кандагара. Там свергнутый правитель пытался организовать силы для похода на Кабул.

Вскоре в ЦК ВКП (б) обратился генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям-Набихан. Он просил разрешить формирование на советской территории отряда из покинувших страну сторонников Амануллы. Предполагалось, что отряд должен совершить глубокий рейд по территории Афганистана и помочь основным силам свергнутого Амануллы-хана вернуть Кабул.

Москва немедленно откликнулась на просьбу о помощи. В одном из докладов отмечалось: «...афганцы хорошо умеют стрелять, но почти не разбираются в устройстве русских винтовок и, чтобы перезарядить их, бьют по затвору камнем. О более сложном вооружении умолчим». Поэтому было решено пулеметные и орудийные расчеты укомплектовать красноармейцами.

Поначалу отряд, призванный помочь Аманулле, не превышал трехсот человек и был оснащен 12 станковыми и 12 ручными пулеметами, 4 горными орудиями и подвижной радиостанцией. Все красные военспецы получили азиатские имена, которыми должны были назы-

ваться в присутствии афганцев. Командиром назначили «кавказского турка Рагиб-бей». Другой его позывной звучал как «Витмар». Под этими псевдонимами скрывался краском Виталий Маркович Примаков. Участник штурма Зимнего дворца, Герой Гражданской войны, атаман Червоного казачества Украины, кавалер двух орденов Красного Знамени, Примаков, начиная с 1927 года, занимал пост советский военный атташе в Афганистане. Он, как никто другой, знал предстоящий театр боевых действий.

Под руководством Примакова была проведена интенсивная боевая подготовка и доукомплектование. В отряд вошли как афганцы, так и советские бойцы, в основном – из 81-го кавалерийского и 1-го горнострелкового полков, а также 7-го конно-горноартиллерийского дивизиона РККА. 10 апреля 1929 года отряд был полностью подготовлен к выступлению.

Утром 14 апреля советский отряд перешел границу с Афганистаном. На рассвете разведчики сняли афганскую заставу на южном берегу Амударьи и двинулись на юг. На следующий день отряд достиг города Келиф. Его гарнизон был настроен воинственно, но после первых же пушечных выстрелов и пулеметных очередей сложил оружие.

Рагиб-бей, он же – Витмар. Краском Виталий Маркович Примаков возглавивший в 1929 году первый поход РККА в Афганистан

Советское правительство предпринимало различные конспиративные меры, дабы не возникло осложнений дипломатического характера. Однако сразу после взятия Келифа стало широко известно о появлении в Афганистане переодетых бойцов Красной Армии. 17 апреля 1929 года губернатор провинции из Мазари-Шариф заявил протест по поводу появления советско-афганского отряда и занятия им ряда приграничных населенных пунктов. В ответ советский генеральный консул выступил с решительным опровержением информации о советском вмешательстве в дела Афганистана.

22 апреля 1929 года отряд подошел к Мазари-Шарифу. Ранним утром передовые подразделения вошли на окраину города. Завязался жестокий бой, который продолжался весь день. Превосходящие силы обороняющихся не устояли перед пулеметным огнем и из Мазари-Шариф в Ташкент отправилась радиограмма о взятии города. Из штаба САВО в Москву сообщили: «Мазар занят отрядом Витмара».

Несмотря на успешное начало операции, советская сторона обеспокоилась за ее исход, т. к. с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения. При подготовке вторжения Гулям Наби-хан уверял, что «на территории Афганистана к отряду присоединятся тысячи

сторонников». На деле оказалось, что местные жители придерживались средневековых ценностей и не желали возвращения демократических властей. Через день после взятия Мазари-Шарифа, гарнизон располагавшейся неподалеку крепости Дейдади, при поддержке племенных ополчений предпринял попытку выбить советско-афганский отряд из этого главного города северного Афганистана.

Плохо вооруженные афганские солдаты и ополченцы с религиозными песнопениями двинулись под пулеметный и орудийный огонь. Противник атаковал строем, на ровной местности. Красноармейцы косили цепи наступавших из пулеметов, которые были настолько густыми, что обороняющихся от поражения спасало только превосходство в плотности огня. Очень скоро начала сказываться нехватка боеприпасов. По радио была запрошена помощь. На выручку был отправлен эскадрон с пулеметами, однако он напоролся на засаду и был вынужден отойти на советскую территорию. Только 26 апреля самолеты доставили в Мазари-Шариф 10 пулеметов и 200 снарядов.

Тем временем ситуация осложнялась. После нескольких неудачных попыток штурма города мятежники, прибегли к проверенному веками способу: перекрыли арыки, по которым в город поступала вода. В менее дисциплинированной афганской части отряда начался ропот. Оказавшись перед угрозой разгрома, Витмар отправил в Ташкент новое донесение: «Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, при наличии 200 газовых гранат к орудиям. Кроме того, необходим более маневренный отряд (эскадрон)...».

К этому времени в штабе САВО приняли решение открыто помочь осажденным. 6 мая авиация САВО несколько раз штурмовала боевые порядки противника. А днем раньше через границу переправился отряд из 400 красноармейцев при 6 орудиях и 8 пулеметах, под руководством Зелим-хана. Кто скрывался под этим псевдонимом, до сих пор неизвестно. Возможно, это был краском Иван Петров. До рейда он был командиром 8-й кавбригады САВО.

После двухдневного форсированного марша, эскадрон вышел к Мазари-Шарифу. Во взаимодействии с осажденными, он заставил мятежников отступить в крепость. 8 мая после бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела гарнизон Дейдади покинул цитадель. Победителям достались немалые трофеи: 50 орудий, 20 пулеметов, много стрелкового оружия и боеприпасов. Объединенный и значительно усиленный советско-афганский отряд остановился на двухдневный отдых, а потом двинулся дальше на юг.

Разгромив группировку противника у Мазари-Шарифа, отряд Витмара-Примакова продолжил путь на Кабул. На этом пути появилась новая угроза – с востока двигалась трехтысячная группировка басмачей. Его возглавлял один из самых одиозных бандглаварей того времени – курбаши (вожак) Ибрагим-бек. Этот бой взводный командир Абдулла Валишев, описывал так: «По отработанной схеме восемь орудий поставили на главное направление, по два станковых пулемета в 200 метрах от дороги. С приближением басмачей на 500 метров орудия открыли частый огонь: три из них били в голову колонны, три – в хвост, а два – в середину. Заработали и спрятанные пулеметы. Противник бросился врассыпную. Конники лихо орудовали клинками и даже пиками. Через полчаса после начала боя дозор обнаружил еще 1500 басмачей, прискакавших на сей раз с запада. Ими командовал Сеид Хусейн, военный советник Бачаи Сакао (в других источниках его называют военным министром). Два часа длился страшный бой... Басмачи отчаянно сопротивлялись. Выиграть бой помогла военная смекалка Ивана Петрова. По его распоряжению к противнику отправили трех пленных, захваченных у бека, чтобы сообщить главарю второй банды о результатах предыдущего боя: 2500 – убито, 176 – в плену и лишь трем сотням воjak удалось спастись бегством. Предупреждение подействовало и басмачи сложили оружие. Конечно, если бы оба отряда басмачей появились одновременно с противоположных сторон, то, имея 10—12-кратное превосходство в живой силе, они смогли бы смять наш отряд».

Курбаши Ибрагим-бек

Развивая наступление, советско-афганские силы 12 мая овладели городом Балх, на следующий день – крупным центром Ташкурган. Отсюда открывалась прямая дорога на Кабул. Напуганный приближением отряда Витмара, эмир Хабибулло стягивал против него свои лучшие силы.

В это время самого Витмара-Примакова внезапно отозвали в СССР, 18 мая он на специальном самолете вылетел в Ташкент. Командование отрядом принял Али Авзаль-хан (псевдоним Александра Ивановича Черепанова). Черепанов служил в Красной Армии со дня ее создания, в Гражданскую войну вырос до командира бригады. Под начальством нового командира, отряд продолжал упорно продвигаться вглубь Афганистана. 23 мая пришло известие о том, что силы эмира Хабибулло сумели зайти в тыл и внезапно овладели Ташкурганом, перерезав тем самым пути снабжения советско-афганского отряда. Узнав известие об окружении, афганская часть отряда принялась паниковать. Гулям Наби-хан и его чиновники, которые должны были сформировать новое кабульское правительство, бежали к советской границе. Без них не имело смысла брать Кабул.

Черепанов принял решение развернуться и вновь двигаться к Ташкургану. Утром 25 мая после артиллерийской подготовки, сопровождаемой авианалетом с аэродрома САВО, красноармейцы ворвались в город. Бои продолжались двое суток. В ходе его были израсходованы почти все снаряды. Неприхотливые русские горные трехдюймовки разогрелись от интенсивной стрельбы настолько, что у двух из них вырвало стволы, а в стволах «максимов» вода превратилась в пар. Два орудия и несколько пулеметов вышли из строя, не выдержав интенсивной стрельбы. Город трижды переходил из руки в руки, но в итоге мятежники были вынуждены отступить.

Победа досталась советско-афганскому отряду большой ценой – погибло 10 командиров и красноармейцев, еще 30 было ранено. В рядах союзников – афганцев было убито 74 человека, ранено – 117.

Вскоре поступила радиограмма, что двигавшиеся с юга из Кандагара на Кабул сторонники Амануллы, потерпели поражение. Теперь, учитывая условия враждебного отношения со стороны местного населения, в продолжении операции не было смысла. 28 мая 1929 года штаб САВО отдал приказ отряду о возвращении на родину. В течение нескольких дней этот приказ был выполнен.

По результатам операции более 300 ее участников были награждены орденом Красного Знамени, а остальные – ценными подарками. В документах воинских частей она значилась как

«операция по ликвидации бандитизма в южном Туркестане». Какие-либо другие упоминания о ходе ее проведения были засекречены.

Укрепление реакционного правительства, засевшего в Кабуле, привело к обострению на границах советской Средней Азии. Многочисленные басмаческие банды, действовавшие в советском приграничье, обосновались на афганской стороне. Там они набирались сил, получали снабжение от британских спецслужб и зализывали раны, полученные в боях с советскими пограничниками и частями РККА.

Али Авзаль-хан – псевдоним Александра Ивановича Черепанова, одного из командиров частей РККА, участвовавших в афганском походе 1929 года

В связи с этим, в штабе САВО разрабатывались новые планы по борьбе с режимом Бачаи-Сакао (эмира Хабибуллы). Один из вариантов предусматривал возвращение к власти Амануллы при сохранении независимости Афганистана, другой – создание на севере страны отдельной республики с дальнейшим присоединением ее к Советскому Союзу. Реализации этих планов помешало изменение политической ситуации. В октябре 1929 года (через 9 меся-

цев правления) эмир Хабибулла был свергнут бывшим военным министром правительства Аманулла-хана – Мухаммадом Надир-Ханом. Тот объявил себя королем и создал новую династию, правившую в Афганистане до 1973 года.

Новые власти не возражали против того, чтобы советские власти очистили север Афганистана от басмаческих банд, сильно донимавших местное население.

В конце июня 1930 года советские войска вновь вошли на территорию Афганистана. Это были части сводной кавалерийской бригады под командованием Якова Мелькумова, перед которыми была поставлена задача – выявить и уничтожить гнезда басмачей на афганской территории, лишить их экономической базы, истребить кадры. Видные курбаши Ибрагим-бек и Утаи-бек, были предупреждены о приближении Красной Армии своими агентами в приграничье. Они отказались принять в бой и бежали и ушли в горы. В отчете о ходе операции значилось: «Нашим частям не пришлось встретить организованного сопротивления. Они ликвидировали отдельные шайки до 30–40 джигитов, отдельных басмачей, эмигрантов и их активных пособников. Всего было уничтожено 839 человек, среди них глава религиозной секты, идейный вдохновитель басмачества Пир Ишан, курбаши Ишан Палван, Домулло Донахан. Взорвано до 17 тысяч патронов, взято до 40 винтовок, сожжен весь эмигрантский хлеб, частично угнан и уничтожен скот. Сожжены и разрушены кишлаки Актепе, Алиабад, а также другие кишлаки и кибитки в долине реки Кундуз-Дарья на протяжении 35 км. При этом населенным пунктам, занятым местными афганцами, урон не наносился. Командиры частей строго следили, чтобы в ходе операции не причинялось вреда хозяйству и имуществу коренных жителей, не затрагивались их национальные и религиозные чувства. Местное афганское население отнеслось к Красной Армии хорошо, выделяло проводников, предоставляло за оплату продовольствие и фураж. Наши потери: утонул при переправе 1 красноармеец, ранены 1 красноармеец и 1 командир взвода».

По сообщениям командиров, многие красноармейцы, особенно артиллеристы, были даже разочарованы походом, так как им не довелось пострелять.

Цели операции были достигнуты, активность басмачей в приграничных районах снизилась, уменьшилась угроза нарушения спокойной мирной жизни народам среднеазиатских республик Советского Союза.

Дальнейшая судьба Афганистана сложилась довольно печально. Первый король Афганистана – реформатор Аманулла-хан, который так и не был понят своим народом, отрекся от престола и окончательно покинул Афганистан. Вместе с родственниками, захватив изрядную сумму государственных средств в иностранной валюте, золото, драгоценности, он бежал в Индию, а оттуда выехал на Запад. Умер Аманулла-хан в Швейцарии в 1960 году. Похоронен в одной из мечетей Джелалабада, где покоятся его отец и жена. Ибрагим-бек был захвачен 23 июня 1931 года отрядом краскома Мукума Султанова и расстрелян.

Курбаши Ибрагим-бек после ареста ОГПУ.

Краском Александр Иванович Черепанов, воевавший у Таш-кургона под псевдонимом Али Авзаль, в 1938–1939 годы, воевал на КВЖД, выполнял особое задание Разведупра Красной Армии в Китае, а в 1941 командовал 23-й армией, что обороняла Ленинград на Карельском перешейке. Закончил военную карьеру главным советником Болгарской народной армии. Краском Иван Петров (Зелим-хан) с 1937 года возглавлял Ташкентское пехотное училище, в Великую Отечественную командовал армиями и фронтами, став генералом армии и Героем Советского Союза. Виталий Маркович Примаков (Рагиб-бей). В 1931–1933 командовал корпусом. Стал автором книги «Афганистан в огне». В 1933–1935 занял должность заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом, был заместителем инспектора высших военно-учебных заведений. С 1935 находился на должности зам. командующего Ленинградским военным округом. 14 августа 1936 Примаков был арестован. Признал себя виновным в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре. В 1937 году был расстрелян. В 1957 Примаков был реабилитирован.

В послевоенные годы отношения между Советским Союзом и Афганистаном активизировались. В 1946 году было подписано соглашение по пограничным вопросам, 1950 году о товарообороте и платежах. В декабре 1955 года в Кабул прибыла с визитом советская правительственная делегация, которая после подписания документов выразила готовность предоставления Афганистану на развитие экономики на льготных условиях, кредитов в размере 100 миллионов долларов.

С 1957 года Советский Союз начал оказывать помощь в геолого-разведочных работах, строится автотрасса Кушка – Герат – Кандагар протяженностью 680 км. Из существующих к (1978 г.) 2800 км дорог, имевших асфальтобетонное покрытие с помощью СССР построено более 1500 км дорог. Особая страница – сооружение тоннеля «Саланг» в 1954–1964 гг. Это дорога с тоннелем 2676 м пробитым сквозь горный хребет Гиндукуш на высоте 3356 метров, соединила Кабул с северными провинциями страны.

Возможно, активизация политики СССР в центральноазиатском регионе, оказало влияние на внутренние афганские политические процессы. В начале 50-х годов главную, организу-

ющую роль в политической жизни Афганистана стала играть интеллигенция разнообразного идеологического течения, в том числе и марксистского толка. 1 января 1965 года была создана народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Генеральным секретарем ЦК НДПА избирается Нур Мухаммед Тараки, а его заместителем Бабрак Кармаль. Идеино-политической основой партии являлся марксизм-ленинизм, а генеральная линия определяла построение общества свободного от эксплуатации человека человеком. Однако борьба за лидерство привела к глубокому расколу в партии. Кармаль сформировал фракцию «Парчам» (Знамя), а Тараки фракцию «Хальк» (Народ).

В это же время в Афганистане организуются новые формы движения исламского фундаментализма, такие как «Мусульманская молодежь», заявившая о себе как крайне реакционная сила.

Советский Союз активно поддерживал нового потенциального союзника. С 1972 года в Афганистан командировались советские офицеры в качестве военных консультантов и специалистов до 100 человек.

17 июля 1973 года премьер-министр Мухаммед Дауд – двоюродный брат короля Закир Шаха, не имевший право наследования, в отсутствие короля силами армии совершил государственный переворот и провозгласил в стране республиканский режим, став первым в истории Афганистана президентом.

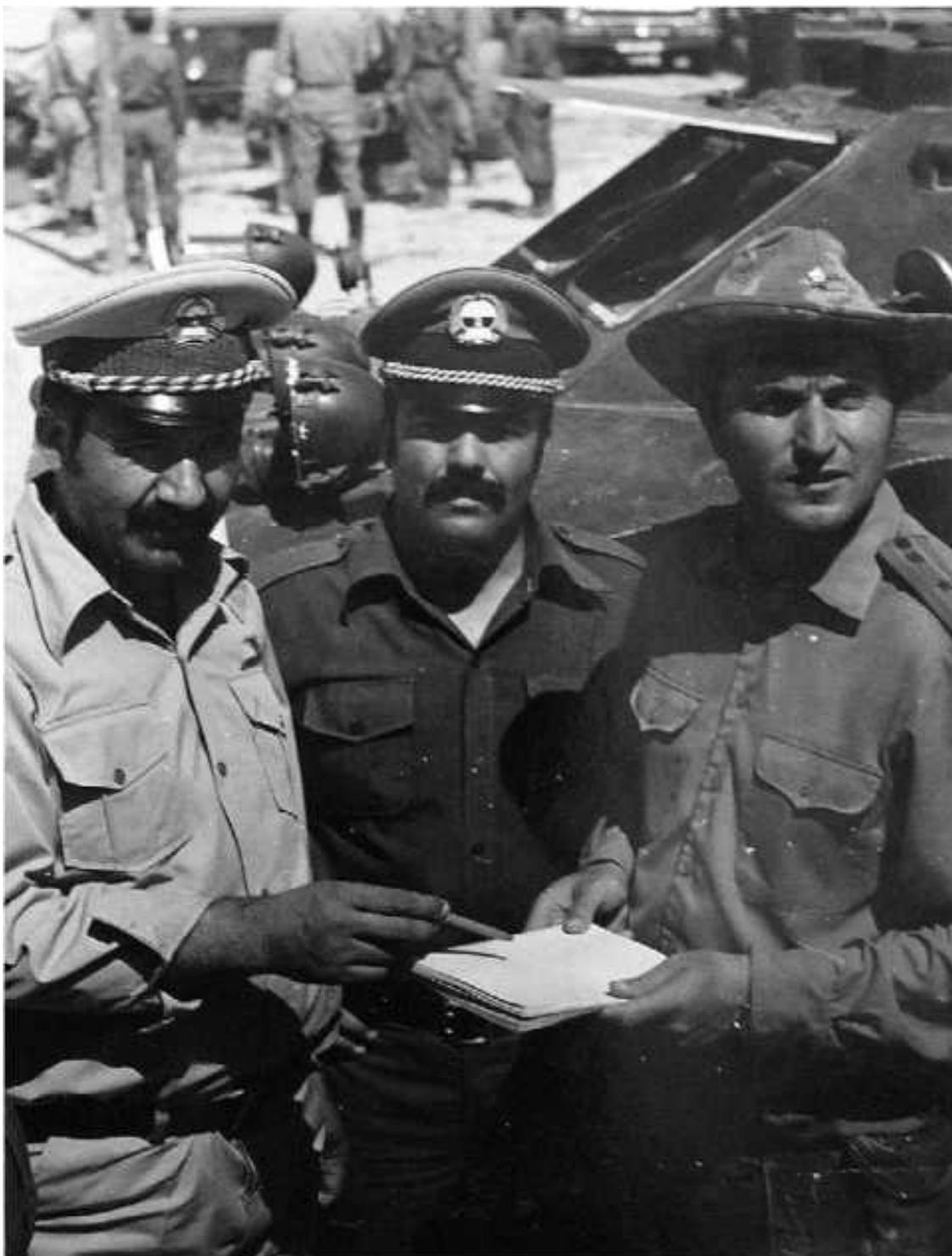
Однако пришедшее правительство к власти придерживалось проманорхического курса, что способствовало активизации как НДПА, так и исламских фундаменталистских организаций; это привело впоследствии к событиям апреля 1978 года – к так называемой Саурской (Апрельской революции).

27 апреля 1978 года в Афганистане под руководством группы офицеров – членов НДПА произошла, как было объявлено всему миру революция.

Страну провозгласили демократической республикой. Правительство возглавил Нур Мухаммед Тараки, первым заместителем становится Бабрак Кармаль. Первым заместителем премьер-министра и министром иностранных дел назначают Хафизулла Амина. 29 апреля Демократическую Республику Афганистан признал СССР, а затем и США.

29 мая была оглашена программа «Основные направления революционных задач». На ее основе начались преобразования, но афганские революционеры повели их максималистическим курсом, они выдвинули задачу радикальных социалистических преобразований, для которых не было никаких подготовленных платформ и условий. В стране с родоплеменными, религиозными устоями, да и сама партия была слабой с точки зрения организационной, идейной без сильной социальной базы и к тому же с противоречиями между фракциями «Хальк» и «Парчам».

Сразу после революции, по просьбе афганского руководства, из СССР срочно командировали различных специалистов для работы в качестве советников.

Советский пограничный советник майор Александр Кутепов с афганскими пограничниками

К концу 1978 года при содействии Советского Союза советскими специалистами строились 130 объектов, из которых 72 было уже введено в эксплуатацию. В это число входили: ГЭС «Ноглу» (100 тыс. кВт); Авторемонтный завод «Джангалак» в Кабуле; Джелалабадский ирригационный комплекс – крупнейший и не имевший себе равных в развивавшихся странах Азии, Африки и Латинской Америки; речной порт «Шерхан» на Амударье; завод азотных удобрений в городе Мазари-Шариф, мощностью 105 тыс. тонн карбамидов в год; два газопровода и нефтебензопроводы – 4 единицы, которые протянулись из севера Афганистана с порта Хайратон до

Кабула, с производительностью более 4 млрд. куб. м. газа в год. (Термез – Таш-курбан – Пули-Хумри – Саланг – Чарикар – Баграм – Кабул; газопровод Балх – Газни; Кабульский хлебокомбинат; Кабульский домостроительный комбинат (производительностью 35 тыс. кв. м жилой площади в год).

Оказывали большую помощь в подготовке национальных кадров, свыше 60 тысяч афганских граждан были обучены различным профессиям. Только в Кабульском политехническом институте работало более ста советских преподавателей.

За один неполный год с 1978 по 1979 гг. в Москве и Кабуле было подписано 75 соглашений и договоров по экономической помощи ДРА, в том числе и военной. В декабре 1978 года был подписан советско-афганский договор «О дружбе и сотрудничестве». В 1979 году 4-ю статью этого договора советское государство и афганское правительство использовали в качестве правового обоснования для ввода Ограниченного контингента советских войск в ДРА.

Процесс преобразований в Афганистане столкнулся с неблагоприятной международной обстановкой, страны Запада их союзники в ряде арабских мусульманских государствах. Враждебную позицию по отношению к новому правительству заняли пакистанская военная администрация и шахский режим в Иране. Возникшие на территории Пакистана многочисленные лагеря беженцев стали активно использоваться в качестве баз подготовки и снабжения боевых формирований оппозиции.

Особую тревогу у советского руководства вызывал рост в Афганистане исламского радикализма. К концу семидесятых годов ряд экстремистских и террористических движений все сильнее поднимали голову, стремясь усилить свое влияние не только в Афганистане и Пакистане, но и советских республиках Средней Азии. Активное участие в их поддержке приняли спецслужбы США и Саудовской Аравии, поддерживавшие исламистов финансами и поставками вооружений. Именно в те времена зародились корни, проросшие в такие, хорошо ныне известные, террористические движения, как «Аль Каида», «Талибан» и «Исламское государство».

Однако руководители Афганистана были сосредоточены на выяснении отношений между собой. Разногласия в руководстве НДПА, сопровождавшиеся чисткой рядов партии, аресты «парчамистов» и убийство американского посла в Кабуле группой маоистского толка до предела усложнили обстановку в ДРА. Это дало повод для зарождения контрреволюционного мятежа в городе Герате. Кроме того, был раскрыт заговор в Джелалабадском гарнизоне. В 1979 году произошли массовые антиправительственные вооруженные выступления в провинциях Пактика, Газни, Пактия, Нангархар, Кунар, Балх, Кабул, которые были подавлены.

Советские советники в донесениях в Москву отмечали, что руководство ДРА серьезно готовится к новым столкновениям с контрреволюцией и рассчитывает, в случае возникновения кризисной ситуации, на прямую помощь СССР. В июле 1979 года Б. Н. Пономарев (член Политбюро КПСС, после визита в Афганистан), докладывал, что Н. М. Тараки сказал, что высадка воздушно-десантной дивизии в Кабул сыграла бы решающую роль в разгроме выступлений контрреволюционных сил. В ответ было заявлено, что Советский Союз не может пойти на такие меры. Всего было около двадцати просьб со стороны афганского руководства о вводе советских войск.

Окончательный раскол в НДПА произошел 14 сентября 1979 года, когда Амин инсценировав покушение на себя охраной Тараки, отстранил его от власти. Затем он приказал офицерам президентской гвардии задушить конкурента.

10 октября официально было объявлено, что Тараки умер после непродолжительной и тяжелой болезни. Со своих постов были сняты негодные Амину министры, и он повел дело к установлению диктаторского режима. Последовали многочисленные аресты и убийства негодных. К ноябрю 1979 года в ДРА свирепствовал террор, фактически в стране началась гражданская война.

Решение о вводе войск, было принято советской стороной после долгих колебаний. Длительное время подобные просьбы отклонялись. Но постепенно сложилась идея замены Амина более прогрессивным деятелем. В это время в Москве пребывал Бабрак Кармаль, и поскольку он имел и пользовался популярностью у многих партийцев, то это кандидатура казалась наиболее подходящей для того, чтобы возглавить НДПА.

12 декабря 1979 года, по предложению комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану (Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, Б. Н. Пономарев), Л. И. Брежневым было принято решение об оказании ДРА военной помощи «путем ввода на его территорию ограниченного контингента советских войск». Главная цель военного присутствия определялась как оказание помощи в стабилизации обстановки и отражения возможностей агрессии извне. Советские войска должны были встать гарнизонами и не ввязываться во внутренний конфликт и боевые действия.

Были голоса и «против». И главными противниками ввода войск были военные. Так, Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев вспоминал: «...в целом, главным образом из-за несоответствия поставленных советским руководством военно-политических задач количеству выделенных войск и конкретной обстановке в этой стране, военного успеха не было и быть не могло. Именно из-за этого несоответствия и выступило руководство Генерального штаба осенью 1979 года против ввода войск в Афганистан».

Подтверждает это и генерал В.И.Варенников: «Генеральный штаб категорически был против ввода войск в Афганистан. Эта позиция была известна не только министру обороны Д. Ф. Устинову – она докладывалась начальником Генерального штаба Н. Огарковым руководству страны. Мотивы, на наш взгляд были убедительные: внутренние конфликты афганские руководители решать должны самостоятельно; Афганистан дружеская страна и ввод войск на его территорию нельзя будет обоснованно представить ни советскому, ни афганскому народу, ни мировой общественности; ввод войск таит в себе опасность участия в боевых действиях, что противоречит внешней политике СССР; слабое знание обычаев и традиций афганцев, особенностей ислама, национально-этнических и родоплеменных отношений может поставить наших воинов в трудное положение...».

Вечером 23 декабря 1979 года министру обороны СССР Д. Ф. Устинову доложили о готовности войск к вводу в Афганистан. А уже утром 25 декабря первым на территорию ДРА направили 781-й отдельный разведывательный батальон 108-й мед. Так начался ввод Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан.

Первыми из СССР в Афганистан были переброшены два батальона спецназа. В декабре 1979-го, они прибыли в ДРА под предлогом усиления охраны аэродрома Баграм. С одним из них в страну скрытно и был доставлен Бабрак Кармаль.

Приказом МО СССР, ввод войск начался 25 декабря 1979 года в 15.00 по московскому времени. В Кабул и Баграм высадили десант. Первой военной акцией, после установления контроля над важными административными объектами, которую осуществили 27 декабря было свержение режима Амина (операция «Шторм»). В ходе штурма дворца спецподразделениями КГБ СССР «Гром» и «Зенит», при поддержке батальона ГРУ, Амин был убит. Радио Кабула передало обращение Бабрака Кармаля к народу Афганистана.

Первым правительственным документом, касающимся пребывания советских войск в ДРА, было постановление Совмина СССР от 19 февраля 1980 года № 152—45, которое определяло вопросы финансирования и предоставления льгот личному составу войск, находящихся в Афганистане.

В постановлении Пленума ЦК КПСС от 23 июня 1980 г. Подчеркивалось «Пленум полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженного нападения и вмешательства извне, цель которых задушить афганскую

революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР...»

Ввод советских войск не привел к ослаблению и спаду вооруженного сопротивления оппозиции. Определенная часть афганских офицеров, ввиду дезорганизации в вооруженных силах и их нежелание воевать с оппозицией, считала, что в условиях, когда в стране находятся советские войска, вся ответственность за судьбу революции должна лежать на Советском Союзе. Такие настроения разделял и Бабрак Кармаль, который постоянно подталкивал командование советского контингента к активным боевым действиям совместно с афганскими частями. В конце концов, это ему удалось.

С марта 1980 года наступил этап активного участия в боевых действиях ОКСВ (Ограниченного контингента советских войск). Они начались с операции в пограничной с Пакистаном провинции Кунар. Так советские войска были втянуты в междоусобную войну, стали выполнять задачи по подавлению мятежного движения, что первоначально не входило в планы советской стороны.

Последовавшие события вылились в затяжной военный конфликт, который с то разгораясь, то затухая продолжается и по сей день. За десятилетия войны на афганском театре военных действий сменились действующие лица и исполнители. Ушедшие в 1989 году советские войска в 2003 году сменили войска НАТО, которые полностью повторили судьбу предшественников. Начав миротворческую операцию, американцы и их союзники были вынуждены прибегнуть к тактике наращивания числа боевых действий. Очередная военная кампания растянулась на девятнадцать лет, так и не принеся мир на афганскую землю.

Часть 1

На защиту саурской революции

Вслед за частями Советской армии, на афганскую сторону вошли подразделения КГБ СССР, в том числе – пограничных войск. В целях упреждения диверсионных и террористических актов против СССР 80-километровая зона приграничных районов Афганистана отводилась под контроль Пограничных войск КГБ СССР. Впоследствии на стратегически опасных и ключевых направлениях вероятного движения противника, были размещены блокпосты, сводно-боевые отряды и десантно-штурмовые группы погранвойск. Для обеспечения воздушной поддержки наземных войск, снабжения штаба оперативной информацией и других боевых целей применялась авиация Пограничных войск Краснознаменных Среднеазиатского и Восточного округов.

Для легендирования военнослужащие сводно-боевых отрядов поначалу носили форму Советской армии.

Довольно-таки быстро они, как и «армейцы» оказались втянуты в гражданскую войну, разгоравшуюся на территории ДРА. Уже к концу 1980 года пограничники были вынуждены проводить масштабные операции по ликвидации банд душманов, угрожавших советскому приграничью.

В 1981 году руководством КГБ СССР было принято решение о создании в афганском приграничье сплошной зоны безопасности вдоль всего советско-афганского участка государственной границы. Изначально глубина этой зоны составлял 15 км. Для создания этой «буферной» зоны была привлечена группировка пограничников численностью до 2,5 тысяч человек.

В следующие два года операции против душманских группировок стали проводиться на регулярной основе, с привлечением крупных сил и средств. Например, в ходе операции по вводу войск в северную часть провинций Тахар и Кундуз, проводившейся в январе-феврале 1982 года, от пограничных войск было задействовано 6 мотомангрупп (ММГ) и десантно-

штурмовая маневренная группа (ДШМГ). Кроме того, в операции участвовали подразделения 201-й мотострелковой дивизии мотострелковый и танковый взвод с артиллерийской батареей и 2 пехотных батальона 20-й афганской дивизии.

Долгое время советская сторона скрывала присутствие пограничников на территории ДРА. Погибшие в необъявленной войне числились погибшими при охране государственной границы.

Первые «за речкой»

Сталбек Асакеев

С Афганистаном связан большой период моей жизни с 1979 по 1986 год. Шесть лет мне довелось провести на той войне. В семьдесят девятом меня перевели в Афганистан. Причем это случилось еще до ввода войск – в августе. Летели на вертолете в «аэрофлотовской» раскраске, бортовой номер – 25925. Задача была обеспечивать работу советского посольства. Уже тогда работа в Афганистане считалась опасной – в стране всюду бушевала гражданская война. Вертолеты базировались на аэродроме, а мы жили в первом микрорайоне Кабула, стараясь ничем не выдавать своей военной принадлежности. Ходили только в «гражданке».

Мне хорошо запомнился день 11 сентября 1979 года. За нашим экипажем на ГАЗ-66 заехал посольский водитель, как сейчас помню, его звал Васей, он тоже был пограничником-сверхсрочником, с Пржевальского отряда. Пограничники охраняли посольство. Так вот этот Вася говорит – срочно выезжаем, в посольстве общий сбор. Ехали по центральному проспекту Кабула – Майвану. Смотрю, что такое – несмотря на раннее утро, весь проспект забит вооруженными людьми. Все чем-то возбуждены, кричат. Откуда-то выезжает танк Т-62 – и несется на толпу. Люди разбегаются во все стороны. Стрельбы еще не было, но стало ясно – происходит что-то ненормальное. А у нас с собой только пара автоматов. Мы кричим водителю: «Вася, ты только не останавливайся! Гони до посольства несмотря ни на что!»

В посольстве нам объявили, что ночью был задушен афганский лидер Тараки. Его вроде задушили подушкой, а затем для верности сделали инъекцию с ядом. Теперь у власти в Афганистане стал Амин. Ситуация за воротами посольства быстро накалялась. Скоро в городе началась стрельба.

Борттехник Ми-8 Сталбек Асакеев позирует на месте пилота

Затем последовали хорошо теперь известные события. В Кабул прибыли группы «Зенит» и «Гром», а также так называемый «мусульманский» батальон, состоявший из солдат министерства обороны СССР – выходцев из республик Средней Азии. Мы, вертолетчики посольства, обеспечивали подготовку нового переворота. Летали то в Кандагар, то в Кундуз.

Вскоре в ходе слаженных действий спецгруппы быстро захватили тюрьму Пули-Чархи, где Амин держал своих политических противников, административный центр Кабула и штурмом овладели дворцом Амина, ликвидировав его самого. Среди «зенитовцев» и «громовцев» было много раненых. Были, к сожалению, и убитые. 29 декабря мне довелось быть в составе вертолета, который вывозил погибших и раненых «зенитовцев». Именно тогда я увидел столько крови, и мне стало очень не по себе. Хотя тогда казалось, что скоро все закончится. Никто не предполагал, что война затянется так надолго!

В апреле 1980 года мой экипаж перевели в Душанбе. Там, в городском аэропорту, находилось звено Марьинского авиаполка. Душанбинским звеном поначалу командовал Мирошниченко, затем его сменили, сначала Лазарев, а затем – Шагалева. Позже, по мере разрастания конфликта, прямо на моих глазах была сформирована эскадрилья, а затем появился и полк. Мы прикрывали ввод войск, передвижения колонны и мотоманевренных групп, вылетали на помощь сводным боевым отрядам. Позже внедряли тактику высадки десантно-штурмовых групп.

Надо сказать, Душанбинский вертолетный полк был уникальной частью. Он был сформирован целенаправленно для войны в Афганистане. Поэтому у нас большое внимание уделялось боевой подготовке, полетам в горах. И личный состав был подобран исключительно удачно. Пилоты полка были высочайшего класса, они были способны посадить машину на площадки, расположенные на предельных высотах – в 3500–4000 метров!

Но главное – коллектив был очень крепок в моральном отношении. У нас не было такого, чтобы кто-то отказался от задания или не прикрыл в бою товарища. Трусов не было! Зато была настоящая фронтовая дружба. В этом мне видится заслуга командования части: Шагалева, Сухова, Дятлова, Пасынка, Мусаева. Они заложили в коллективе принципы поведения, задали моральную составляющую для каждого из нас. Неудивительно, что именно Душанбинский полк взрастил двух Героев Советского Союза и двух Героев России.

Сталбек Асакеев (справа) со своим экипажем

Поначалу, в восьмидесятом году с нами часто просились полетать специалисты наземных служб – оружейники, техники и так далее. Им тогда казалось, что война – это какая-то экзотика. Однако, очень скоро, когда духи научились метко стрелять и вертолеты стали привозить дырки, все эти добровольцы быстро пропали.

Десантирование ДШМГ на «точку»

Сталбек Асакеев родился 11 июня 1953 года, в Киргизской ССР, на Иссык-Куле. После школы поступил в институт, но увлекся авиацией. Закончил 111-ю авиашколу. Работал в НИИ имени Чкалова. А в 1973 году был принят в пограничные войска КГБ СССР. Служил в Бурундайском авиаполку, под Алма-Атой, бортмехаником. Затем отучился в Кировском военном авиационно-техническом училище, стал борттехником.

Был направлен в Душанбинский полк пограничной авиации. В его составе с 1979 по 1986 год воевал в Афганистане. После ранения был переведен в Воркутинский авиаполк. В 1991 году уволен из рядов Пограничных войск – по болезни. Окончил юридический факультет. Работал на должности вице-мэра города Иржевальска, затем – в правительстве премьер-министра Кыргызской Республики, ныне Сталбек Амантурович возглавляет ветеранскую организацию пограничной службы Кыргызской Республики.

Юрий Мирошниченко

В 1976 году меня перевели в Душанбе. Сначала был командиром звена, затем – замкомандира отдельной Марыйской авиаэскадрильи. Вновь прошел переучивание, освоил пилотирование вертолетов М-4, Ми-8 и самолета Ми-26. Примечательно, как проходило это переучивание. Начальник авиационного отдела Главного управления пограничных войск Николай Алексеевич Рохлов дал мне на все про все один месяц! Приказ есть приказ, и уже спустя месяц я пилотировал Ми-8.

Правда, в повседневной практике я по-прежнему был больше «самолетчиком», нежели вертолетчиком. Управление вертолетом разительно отличается от самолетного, привыкнуть к нему не просто. Вдобавок, в эскадрилье было множество первоклассных пилотов вертолетов, которые пилотировали гораздо лучше меня. Поэтому я старался ограничиваться учебными полетами на винтокрылых машинах. С другой стороны, положение заместителя командира эскадрильи обязывало меня владеть всеми видами авиатехники эскадрильи. Поэтому я постоянно старался шлифовать свои навыки пилотирования вертолетов.

Задачи в Душанбе приходилось решать самые разные. Помимо собственно охраны Государственной границы, наша эскадрилья возила грузы в интересах КГБ СССР, как внутри страны, так и за рубеж – в Афганистан. Так, примерно за год до ввода советских войск Афганистан, я впервые совершил вылет в Кабул.

Дело было так. В апреле 1979 года моему экипажу поступила команда – готовиться к полету в Кабул. Для подготовки был дан срок – неделя. При подготовке возникли определенные трудности. Прежде всего, никто не знал английского языка на уровне, необходимом для международного полета. Я изучал английский в университете, но этих знаний было крайне мало. «Летный» английский представлял собой сленг, совершенно отличный от обычного – разговорного. Остальные члены экипажа не знали языка совсем.

Обратился за помощью в летно-штурманский отдел управления гражданской авиации Таджикистана. Начальник отдела – Староверов, пошел мне навстречу и, первым делом, дал русско-английский летный разговорник. Слева текст на русском, справа – на английском. Кроме того, Староверов дал команду своим подчиненным оказывать мне любую помощь. В службе воздушного движения душанбинского аэропорта договорился о порядке пролета и связи. Они помогли мне составить маршрут, определили порядок действий экипажа. Со штурманом и радистом я отправился в летный отряд, где с нами провели соответствующие занятия. Там же получили «гражданские» документы, в том числе – полетное задание. Фактически мы превратились в «гражданский» экипаж.

В эскадрилье специалисты по ремонту авиатехники Евгений Анатольевич Силин и Владимир Николаевич Резниченко как следует подготовили мой самолет к вылету, проверили его, что называется, до последней заклепки.

Наступил день вылета. Подняв машину в воздух, мы взяли курс на юг. Под руководством диспетчера из Душанбе, набрали эшелон, пересекли границу и... полетели дальше. При этом я не выпускал из рук англо-русский разговорник. Все было как комедии «Воздушное приключение», где немец летел через Ла-Манш, вцепившись в инструкцию.

Когда дошли до точки снижения, диспетчер связал меня с Кабулом и сказал:

– А дальше, дорогой, действуй сам. Мои права здесь заканчиваются. Ни пуха, ни пера!

Я послал его «к черту» и поблагодарил. Затем связался с Кабулом. Передал на английском информацию о воздушном судне. Как ни странно, диспетчер меня понял и в ответ дал условия для посадки. Условия точно совпали с теми, что были в инструкции. У меня прошло волнение, я визуально обнаружил аэродром, и стал действовать точно по схеме посадки гражданских самолетов. Следуя указаниям диспетчера, зашел на полосу, приземлился, вырулил на указанную стоянку. Так я впервые оказался в Кабуле. В тот же день, после разгрузки, мы вылетели обратно – в Душанбе. Благодаря тщательной подготовке первый полет прошел без сучка без задоринки. За нашим экипажем последовал экипаж подполковника Сафиуллы Блинова из Бурундийского авиаполка. Позже по проторенной нами дорожке рейсы в Кабул стали регулярными.

Ближе к концу 79-го года обстановка в ДРА стала накаляться, количество вылетов в Кабул резко возросло. Особенно напряженной выдалась работа перед тем, как наши спецназовцы свергли Амина. Мы тогда почти неделю, что называется, не вылезали из самолетов. Разумеется, мы не знали, кого возим, что за грузы. Получали приказ и – вперед!

После свержения режима Амина интенсивность полетов в Кабул возросла еще больше. Наши самолеты возили советников и грузы в интересах КГБ, но полетные задания нам подписывал посол в Афганистане. Уже во время второго полета, мне удалось осмотреть Кабул, побывать на зеленом базаре. Афганский народ тогда поразил доброжелательностью по отношению к нам, советским людям. По городу ходили свободно, без охраны. Разницы между Кабулом и, например, Душанбе не было никакой. Вообще, хочу отметить, что в первоначальный период войны, афганский народ большей частью был на нашей стороне. Позже обстановка на глазах стал меняться. К нам относились все хуже и хуже. Были случаи, когда по шурави применяли оружие даже в Кабуле, места нахождения советских граждан приходилось охранять с помощью многочисленной охраны и БТР.

Помимо полетов в Кабул, пограничная авиация постепенно стала втягиваться в боевые действия непосредственно на линии Государственной границы. Первый экипаж, выполнявший боевой вылет на территорию Афганистана, был прикомандирован к Марыйской авиаэскадрилье из Тбилиси. Запомнилось, что это было 30 декабря 1979 года. Экипаж тогда получил боевую задачу, вылетел с полным боекомплектом, но в последний момент поступила команда из Москвы прервать вылет и вернуться.

А с 29 апреля по 15 мая 1980 года мне довелось руководить авиационной группировкой в Московском отряде. Там проводилась операция на сопредельной стороне. В операции было задействовано пять-шесть вертолетов. Тогда мне довелось участвовать в боевых вылетах на вертолетах. Во время операции я летал с Владимиром Викторовичем Кутухиным. Это командир был одним из самых опытных пилотов. Он прошел все афганскую кампанию, что называется – начинал ее первым и закончил одним из последних.

Нужно отметить, что в начале войны у нас было очень плотное взаимодействие с афганскими правительственными силами. Помогали им материально, обучали, выполняли в их интересах санитарные рейсы, боевые вылеты. Они делились с нами информацией. Поначалу мы даже использовали афганцев в качестве авианаводчиков. Правда, после того как выяснилось,

что те пытаются использовать нас в своих межклановых разборках, такую практику прекратили.

В ходе той, первой боевой операции экипажи, в основном, выполняли задачи по разведке сопредельной территории, а также по перевозке грузов в места дислокации пограничных подразделений, вводимых в районы Рустака, Янги-Калы, Чахи-Аба и так далее. Наиболее сложный участок был в районе Калай-Хумба. Там, в самом начале Куфабского ущелья, был выставлен пограничный гарнизон, рядом с которым почти невозможно было приземлиться. При посадке на ту площадку лопасти вертолета почти касались окрестных скал. Тем не менее, наши пилоты умудрялись там приземляться и снабжать гарнизон!

Противодействия с земли поначалу почти не было. Операция весной восьмидесятого длилась пятнадцать дней без каких-либо происшествий. Однако уже осенью боевые действия приобрели масштабный характер. Тогда в полной мере пригодилась вся та работа по сбору разведданных, что была проведена в ходе весенней операции. Как раз осенью мы потеряли первый вертолет. Была подбита машина Бориса Захарова. Никто не погиб, но экипаж получил ранения и травмы, вертолет пришлось списать.

И все же, несмотря на сложности, потери в авиаэскадрилье на начальном этапе войны были минимальны. Этому способствовало то, что в Душанбе и в Мары у нас было много отлично подготовленных экипажей, которые летали просто здорово! С восхищением вспоминаю командиров экипажей – Владимира Мусаева и Виктора Лазарева. Эти высокоподготовленные летчики летали в горах как у себя дома! Да и остальные экипажи не отставали. Могли с грузом сесть на любые площадки, в том числе – на пределе возможностей машины. В любое время суток вылетали на санзадания.

Санзадания вообще можно выделить в особую главу истории Марыйской авиаэскадрильи. Сколько жизней спасли наши пилоты! Вспоминается один случай. Необходимо было срочно вылететь в Чахи-Аб за раненым. Думали, что это наш, советский пациент. Оказалось, что сорбоз-афганец. Ранили его ночью, а в Чахи-Аб доставили только к часу дня. Жара в тот день стояла невыносимая. Сорбоза принесли на каких-то самодельных носилках, сбитых из досок. У него из автомата была прострелена грудь – сквозные ранения. Думали – умрет, но не тут-то было. Наш экипаж сумел оперативно доставить раненого афганца в госпиталь, там его прооперировали. Спустя некоторое время он оклемался, встал на ноги. Оказалось, что для организмов афганцев, не избалованных лекарствами, наши антибиотики были панацеей от всех бед – спасали от любых болезней и ран. Ну и, конечно же, сыграла роль оперативная эвакуация в госпиталь.

В том же, 1980 году, я окончил Душанбинский государственный университет. Вскоре меня перевели в Москву, старшим летчиком-инспектором самолетов Ан-24 и Ан-26. Незадолго до этого в авиацию пограничных войск поступила новая машина – Ил-76. Я не мог упустить возможности изучить пилотирование этого новейшего самолета и в 1983 году научился летать на Ил-76.

В 1985 году я вновь вернулся на Дальний Восток – на этот раз мне довелось служить на Камчатке, начальником авиационного отдела Камчатского пограничного округа. Однако, афганская эпопея для меня не закончилась.

В ходе войны мне постоянно доводилось летать в Афганистан. К 1985 году ситуация там серьезно изменилась. Когда боевые действия в Афганистане приобрели интенсивный характер, схема захода на посадку в кабульском аэропорту была полностью изменена. Посадка и взлет были разрешены только в пределах аэродрома. Это было непростой задачей, требовало от экипажа очень большого мастерства. Да и перегрузки на технику, экипаж и пассажиров были велики.

Несмотря на все старания, угроза быть сбитым сохранялась во время каждого полета над Афганистаном. После одного из таких вылетов, обнаружилось, что мой самолет был обстрелян с земли. Но мы об этом узнали, лишь после посадки в Ташкенте.

Бортинженер Ушаков доложил, что у нашего самолета прострелен обогривательный канал двигателя. Мы во время вылета ни обстрела, ни повреждения даже не заметили. Однако, если бы противник стрелял точнее, у моего экипажа могли быть серьезные проблемы.

За годы войны мне довелось перевезти огромное количество людей и грузов. Примечательно, что и после вывода войск я продолжил летать в Афганистан, на Ил-76. Эти полеты проходили по линии КГБ СССР. Последний мой такой вылет произошел уже спустя два года после вывода наших войск. Туда возили грузы для советского посольства и представительства КГБ в ДРА, обратно – дипломатических сотрудников и материальные ценности. Тогда как раз проходило сокращение численности сотрудников посольства. Кроме того, доставляли национальному банку ДРА афганские деньги – их печатали в Советском Союзе. Крайний мой вылет в Кабул состоялся в 1992-м, незадолго до того, как он пал под натиском моджахедов.

Оглядываясь в прошлое, могу сказать, что не жалею о жизненном выборе, сделанном в юности. Мне довелось летать с замечательными людьми, выполнять уникальные задания, а главное, служить великой цели – охране рубежей своей Родины!

Полковник Юрий Мирошниченко отдал небу более сорока лет. Совершив свой первый самостоятельный полет в 1958 году, Родился 10 сентября 41-го года, на Украине, в городе Лебедин. В 58-м году, в городе Тростенец окончил среднюю школу, после чего поступил в Пугачевское летное училище. После окончания училища первоначального обучения был направлен в Кировоград, в военное авиационное училище. Обучение проходил как будущий пилот самолета Ил-28.

В 1960 году, училище попало под сокращение. Мирошниченко отправился в Магадан, в местное управление Гражданского воздушного флота – на должность диспетчера. Добился разрешения пройти обучение на пилота самолета Ан-2. Был отправлен в училище ГВФ, где в сентябре 62-го года, я получил возможность подняться в небо. Летал в составе 185-го отдельного авиаотряда ГВФ, вторым пилотом Ан-2.

В 1963 году был вновь призван на военную службу – в состав авиации Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Получил назначение во Владивосток – вторым пилотом самолета Ил-14. Был летчиком-штурманом, затем командиром экипажа самолета Ил-14, позже, после переучивания – командиром Ан-24.

В 1976 году был переведен в Душанбе, на должность командира звена, а затем – замкомандира отдельной Марьинской авиаэскадрильи. Принимал участие в боевых действиях на территории ДРА. В мае 1989 года был переведен в Москву, на должность старшего летчика-инспектора. В 1996 году Мирошниченко было присвоено звание Заслуженный военный летчик России. В дальнейшем стал заместителем начальника отдела боевой и летно-методической подготовки департамента авиации ФИС России. На этой должности прослужил до 2000 года. Военную службу закончил в 2001 году, в звании полковника.

Сегодня Юрий Александрович – кавалер ордена Красной Звезды, Заслуженный военный летчик России, активно участвует в работе организации ветеранов авиации пограничных войск.

Владимир Паньков

В конце 1970-х на участке Хорогского пограничного отряда сложилась весьма напряженная обстановка. На сопредельной стороне, вблизи Дарваза (район Афганистана напротив Калайи-Хумбского района Горно-Бадахшанской АО) активно действовали бандгруппы. Их

предводителем был Абдул Вахоб, про которого ходили кровавые легенды. Позже он был уничтожен советскими пограничниками во время проведения одной из боевых операций.

В это же время мы начали получать информацию о появлении банд на подступах к афганскому кишлаку Ишкашим, напротив него находилась 1-я пограничная комендатура 66-го пограничного отряда. Их главной задачей было устранить новую законную власть и уничтожить ее активистов.

Панорама типичного афганского кишлака

В первые дни боевики старались любыми способами укрепиться в узловых районах приграничья, не стесняясь своих методов ведения войны – они устраивали массовые убийства и настоящую кровавую резню. Через реку Пяндж, разделявшую два государства, пограничники беспомощно наблюдали за тем, как бандиты хозяйничали в кишлаках соседнего государства, истребляя местных жителей. Их афганских коллег убивали с особой жестокостью, отрезая головы и сбрасывая убитых в реку так, чтобы их тела прибывало к берегу недалеко от советской заставы. Трудно представить, что чувствовали жители советского Бадахшана, родственники которых волею судьбы оказались на той стороне бурной реки!

Было известно, что бандиты стремились перебраться через пограничную речку, и сдерживало их лишь противостояние со стороны советских пограничников. Для предотвращения агрессии и предупреждения появления преступников на советской территории «зеленые фуражки» регулярно проводили специальные пропагандистские мероприятия для афганского населения, среди которого скрывались и бандиты.

Однажды после очередного выступления в адрес нашего офицера-пропагандиста прозвучала угроза: «Если ваш белый мулла будет вмешиваться, то мы расстреляем его». Этой фразой душманы очень метко определили профессиональный статус нашего сотрудника, подчеркнув его внешность – он носил белую шубу, и у него были белые как лен волосы.

Кроме пропаганды советская сторона мало что могла предпринять. Советское руководство опасалось провокаций и неверного толкования наших действий. Тогда пограничники находились в сложной ситуации – руководство войск требовало не допустить захвата власти

бандитами в афганском прикордонье, но одновременно запрещало применять оружие. Оставалось одно – демонстративные действия.

Используя боевую технику, пограничники сопровождали передвижение банд, действовавших на сопредельной стороне реки. Чаще всего боевики двигались открыто, якобы не обращая внимания на действия советских пограничников. Те, пытаясь сдержать продвижение моджахедов, обеспечивали оружием, боеприпасами и продуктами питания отряды самообороны, создаваемые в афганских кишлаках. Разумеется, такие действия были лишь полумерами. Бандиты стремительно захватывали селения одно за другим, продвигаясь к центру Дарваза, где на виду у советских пограничников и местного населения проводили изощренные казни местных общественных деятелей, врачей, учителей, тела которых тут же сбрасывали в пограничную реку.

Все изменилось в начале 1980 года после ввода Ограниченного контингента советских войск. Для обеспечения безопасности советской границы руководство страны приняло решение о вводе части подразделений пограничных войск на афганскую территорию. Была определена и зона ответственности – до 150 км вглубь сопредельного государства. Предполагалась защита государственной границы Советского Союза с двух сторон, что пресекало действия банд на дальних подступах. Это стало началом нового этапа развития и применения пограничных войск.

Информация о вводе подразделений пограничных войск и их присутствии на территории ДРА с самого начала приобрела закрытый характер, и долгое время страна не знала о выполнении ими специальных задач. Подготовка к вводу проходила очень тщательно, операцией руководил начальник войск Среднеазиатского пограничного округа генерал-лейтенант И. Г. Карпов.

Хорошо запомнилось, что к организации всех мероприятий и операций командиры и начальники на всех уровнях руководства подходили с особой ответственностью. Руководство понимало, что мы находимся на территории чужого и отчасти враждебного государства и, соответственно, несем особую ответственность за жизни подчиненных перед их семьями. И хотя, к сожалению, избежать потерь не удалось, за весь период афганской войны ни один пограничник не был захвачен в плен или оставлен на поле боя раненым или убитым. Не было случаев проявления трусости, малодушия или невыполнения приказа командира.

О тщательности подготовки предстоящей операции говорит такой факт. К переправе через Пяндж подразделения Хорогского отряда готовили бронетранспортеры. Для проверки на герметизацию технику необходимо было погрузить в воду – как тогда говорили, «провести замочку». Контролировал эту работу один из офицеров ГУПВ. Он осуществлял эту самую «замочку» трое суток и тем самым проверил все вездеходы, убедившись в безопасности каждого. Из-за такой дотошной перестраховки солдаты прозвали его «полковник Замочка». Этот псевдоним сопровождал офицера еще долгое время, но он на него не обижался. Ведь прозвище говорило о его ответственности!

Операция по вводу пограничников на территорию ДРА прошла быстро и организованно. Эту операцию можно назвать образцово-показательной. Еще до ввода пограничников на территорию ДРА стало очевидно, что условия рельефа и тактика противника требуют от них высокой степени мобильности. Для ведения маневренной борьбы с противником был сформирован сводный боевой отряд (СБО) Хорогского пограничного отряда. Именно он провел одну из первых операций на сопредельной территории – без боя занял районный центр Нусай, где бандиты пытались установить свои порядки.

7 января 1980 года для обеспечения беспрепятственного ввода СБО на сопредельную территорию группа разведки и захвата в составе отделения под моим командованием переправилась через Пяндж на резиновой лодке. Группа действовала быстро и слаженно, задачу выполнили без единого выстрела. Обстановка требовала решительных действий, поэтому под-

разделения СБО без промедления начали переправу через бурную реку. В ту ночь был сильный снегопад, и складывалось впечатление, что течение реки усилилось. Вопреки тяжелым погодным условиям, наше отделение переправлялось без особых происшествий. При этом действовали четко, проявляя повышенную бдительность, поскольку вблизи Нусая была замечена группа боевиков.

В первоначальный период ввода войск отличились инженерные подразделения, которые, не имея штатных переправочных средств, оборудовали переправу из самодельных плотов со страховочными канатами. Несмотря на привередливый характер реки, ее навели быстро, совершив почти невозможное. Позже эти же подразделения в кратчайший срок построили навесной мост.

Особое уважение населения и личного состава заслужил генерал А. Г. Гафаров. Он с помощью первого секретаря ЦК КП Таджикистана Д. Р. Расулова не только принял действенное участие в строительстве моста, но и организовал гуманитарную помощь населению Афганистана. После этого пограничники ощутили поддержку со стороны всего населения ГБАО, что вселяло уверенность в правоте дела и давало дополнительные силы.

Однако противник не желал мириться с присутствием на территории Афганистана советских сил. Постепенно пограничникам пришлось втянуться в боевые действия с теми, кого называли душманами. Разумеется, к моменту ввода войск у большей части личного состава не было боевого опыта. Поэтому в непосредственной подготовке и проведении боевых операций участвовало большое число старших офицеров. В первые месяцы случалось, что подчиненных в атаку вели офицеры управления, округа и пограничного отряда! Хорошо запомнился один из первых боев в Дарвазе, когда банда Абдула Вахоба была заблокирована в высокогорном кишлаке Верхний Гумай.

Пленные душманы. Начальный период войны

После длительных переговоров, в результате которых удалось эвакуировать стариков, женщин и детей, мы начали выдвижение вдоль поймы реки на рубеж прикрытия. Но как только

наш пограничный десант подошел к населенному пункту, бандиты открыли кинжальный огонь с заранее подготовленных позиций. Нас прижали к земле. Шквал огня четко обозначался недалекими автоматными вспышками и хлесткими фонтанчиками на снегу у наших ног. С каждой секундой бой становился жарче. Позиция, на которой мы находились, была тактически невыгодной – бойцы по пояс увязали в снегу на открытой местности. Противник был на два яруса выше нас и своим огнем подавлял любые действия. Попытки выхода из-под огня своими силами грозили гибелью личного состава. Ждали подкрепления. В тыл бандитов зашла 2-я десантная застава под руководством начальника политотдела отряда майора В. Казакова. Мы не могли сдержать радости, когда увидели на крышах домов, из которых бандиты вели по нам непрерывный огонь, наших товарищей, которые стремительно уничтожали огневые точки гранатами. Своими смелыми и дерзкими действиями группа В. Казакова в скоротечном и жестоком бою уничтожила банду, тем самым обеспечив безопасность действий моей группы. В результате мы выполнили поставленную боевую задачу, несмотря на первые потери, понесенные на афганской земле.

Владимир Паньков родился 4 апреля 1952 года в Курганской области, в городе Шадринске. В 1973 году окончил Московское военное пограничное командное училище имени Моссовета. Проходил службу в Средней Азии, Армении. В 1980 году Паньков оказался одним из первых советских пограничников, пересекших в январе 1980 года бурную реку Пяндж – советско-афганский рубеж.

В 1991 году окончил Военную Академию имени Фрунзе. В 2002 – Высшие курсы Академии Генштаба ВС РФ. Служил на различных должностях в Федеральной пограничной службе России, Пограничной службе ФСБ России. Ныне Владимир Сергеевич – генерал-майор, кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды.

Петр Переверзев

В 1979 году по завершении учебы в Ленинградской академии тыла и транспорта меня направили для прохождения службы в Среднеазиатский пограничный округ. Несмотря на мои 27 лет, мне доверили самый сложный участок работы. Пянджский отряд по сравнению с другими был не очень большим – всего семь застав, однако располагались они на значительном удалении друг от друга. Впоследствии их количество увеличилось до 12. В Афганистане было неспокойно, и с каждым днем обстановка все более накалялась.

В январе 1980 года командование поставило задачу взять порт «Шерхан» и занять оборону по его периметру. Мне необходимо было подготовить необходимое снаряжение и технику и обеспечить переправу через Пяндж. Но как переправлять технику, если в нашем распоряжении всего два сторожевых катера? Помогли гражданские речники. Они предоставили свою баржу и более того – разрешили ее переоборудовать. По их подсказке мы срезали палубные надстройки. Это позволило перевозить через Пяндж по две единицы техники.

Вообще, местные жители не раз выручали нас в самых разных ситуациях. Они давали нам технику для отрывки траншей, помогали продовольствием. Корейский совхоз в районе Дусти снабжал наши подразделения рисом.

Впоследствии – через два года – к нам поступили плоскодонные баржи, вмещающие 10 единиц техники.

С 7 на 8 февраля форсировали реку. Один наш катер перевозил людей, а второй тянул баржу с техникой. Сразу же после высадки на берег солдаты начали оборудовать огневые точки, траншеи. Это была непростая задача. Земля в Афганистане очень твердая, и за ночь солдаты с помощью саперных лопат и штык-ножей сделали окопы глубиной лишь по пояс. Все это время мы продолжали переправлять технику – 10 БТР, несколько машин с боеприпасами. Поздним

вечером «афганец» поднял в воздух тучи мелкого, как пыль, песка. Буря выдалась настолько сильной, что невозможно было разглядеть лампочку на фонарном столбе.

Но задачу свою мы выполнили. И конечно же, как тыловик, я не забыл и про кухню для солдат. Уже к утру повара смогли приготовить горячую пищу. Такой была моя первая боевая операция.

Война набирает обороты

Геннадий Згерский

Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ я принял под свою команду в ноябре 1980 года, после трехлетней службы начальником штаба на Камчатке. Протяженность охраняемого округом участка государственной границы – более пяти тысяч километров, от Каспия до предгорий Памира. Двенадцать пограничных отрядов рассредоточены по трем союзным республикам, половина из них – воюющие.

Военные действия на территории Афганистана разворачивались все в большем масштабе. На долю моего предшественника, генерала Ивана Григорьевича Карпова, выпала нелегкая задача по организации и проведению наших самых первых боевых операций в Горном Бадахшане. Все начиналось на левом фланге округа, на таджикском участке границы. Бандиты там стали вести себя разнузданно: убивали в афганских кишлаках мирных жителей и партийных активистов, на наших глазах демонстративно сбрасывали их трупы в пограничный Пяндж, совершали оскорбительные действия в адрес пограничных нарядов, угрожали им. В этой обстановке остро встала задача обезопасить нашу границу, население приграничья от возможных преступных посягательств со стороны бандформирований, действующих в северных провинциях Афганистана. В качестве упреждающего шага на самом высоком уровне было принято решение ввести в эти провинции наши сводные боевые отряды, сформированные на базе линейных пограничных отрядов округа. В их задачу входило перекрытие каналов миграции бандитов, защита мирного населения и недопущение провокаций на границе. В течение года нам удалось нормализовать обстановку, что вызвало благодарный отклик афганского населения, его поддержку и содействие.

Начальник войск Среднеазиатского пограничного округа генерал-майор Геннадий Згерский (в очках) в ходе проведения одной из операций на территории ДРА.

Сводные боевые отряды формировались в каждом пограничном отряде округа, и прежде всего в охраняющих границу на иранском участке. Численность каждого такого отряда составляла 60–70 человек. Возглавляли их на первых порах, сменяя друг друга, начальники пограничных отрядов и начальники штабов. Другие должностные лица сформированных подразделений несли службу вахтовым методом. Отрыв офицерского состава отрицательно сказывался как на боеготовности и состоянии воинской дисциплины в пограничных отрядах, так и на охране государственной границы. Именно на это обстоятельство я сразу обратил внимание, приняв руководство округом, и своим решением отменил такую практику, ведущую к распылению сил и средств. Постепенно положение дел стало выправляться, командование пограничных отрядов стало заниматься своими непосредственными обязанностями по организации охраны границы и несению повседневной пограничной службы. А сводные боевые отряды добросовестно справились со своими задачами. Бандиты потеряли возможность бесчинствовать у границы, ушли в тыл и совершали лишь единичные вылазки. Во многом наши действия были успешными благодаря работе разведчиков. В поисках постоянных источников информации они, переодетые в афганскую одежду, практиковали выходы на местные базары, где добывали необходимые сведения. Надо также отметить мужество и профессионализм командиров сводных боевых отрядов, которые в новых для себя условиях пребывания в незнакомой стране действовали грамотно и решительно.

Во второй половине 1981 года мы стали совершать рейдовые действия вдоль границы, в том числе и на туркменском направлении, где бандиты проявляли себя все чаще. В ходе рейдов мы не только проводили боевые операции по пресечению активности бандформирований, но и осуществляли разведку местности, знакомились и налаживали деловые контакты с афганским населением. Таким образом удалось подготовить почву для организованного ввода в январе 1982 года наших мотоманевренных групп в северные провинции Афганистана.

До начала афганских событий обстановка на государственной границе на участке округа была относительно спокойной. В каждом органе управления Афганистана, включая армию и полицию, были наши советники. Политические и экономические отношения с Советским Союзом строились на принципах мира и добрососедства, что позволяло называть нашу совместную границу «границей дружбы». И вдруг все изменилось. В начальный период и нам, и афганцам психологически трудно было это осознать и переступить через сложившиеся стереотипы.

С точки зрения начальника войск округа в обстановке, когда надо и воевать, и границу охранять, я бы выделил несколько особенностей. Как уже отмечал, пожар войны постепенно разгорался с левого фланга – в Горном Бадахшане. Поначалу «тушить» его было поручено начальнику оперативно-войскового отдела в Душанбе. В округе данное направление курировал начальник штаба генерал В. Харичев, потом его второй заместитель. Затем мы сформировали нештатную оперативную группу, которой руководил мой заместитель И. Ярков. А в конце 1981 года в структуре округа появилась штатная оперативная группа, в состав которой входили опытные, подготовленные старшие офицеры с академическим образованием – В. Седых, Г. Симухин. Это уже был полноценный орган управления, который планировал боевые операции, непосредственно руководил ими и осуществлял контроль. Также начали действовать полевые оперативные группы в каждом пограничном отряде. Такая группа дислоцировалась на сопредельной стороне, а ее начальник был в ранге заместителя начальника отряда.

На начальном этапе войны среди трофеев преобладало легкое стрелковое оружие, такое как винтовки британского производства первой половины XX века, прозванные среди советских солдат «бурами».

В среднем мы проводили по 2–3 плановые боевые операции в месяц. Каждая занимала не менее 10 дней. Тщательная разведка обстановки и ее глубокий, всесторонний анализ, четкое планирование действий позволяли минимизировать наши потери. Крупные операции, как правило, возглавлял начальник войск округа и представитель из Главного управления погранвойск, плановые – начальник оперативной группы, а внеплановые, продиктованные резким изменением обстановки, – начальник полевой оперативной группы, реже – начальник отряда. Таким образом, была создана управленческая вертикаль, позволявшая эффективно противостоять возникающим угрозам. Начальник штаба округа большей частью держал руку на внутреннем пульсе охраны границы на всем ее протяжении.

Ход плановых операций лично отслеживал начальник пограничных войск Союза генерал армии В. А. Матросов. Была налажена прямая связь с ним и начальником воюющей оперативной группы. Все переговоры, боевые распорядительные документы, донесения дублировались в управление округа. Если командование объединения считало целесообразным другое решение, оно также обсуждалось и согласовывалось с Москвой.

Сложившаяся система управления имела свои плюсы и минусы. Плюс заключался в том, что, во-первых, во главе всей нашей военной составляющей стоял Вадим Александрович Матросов, опытный и подготовленный во всех отношениях человек, прошедший испытания Великой Отечественной войны, разведчик по своей основной воинской специальности. И конечно, он очень разумно и взвешенно руководил нашими действиями в Афганистане. Во-вторых, Московская оперативная группа состояла из специально подобранных офицеров, которые целенаправленно работали исключительно по афганскому направлению, не распыляясь на другие вопросы. Они обладали соответствующим опытом оценки обстановки и принятия решений при планировании боевых операций. Минус же заключался в том, что, по сути,

двойное подчинение Московской оперативной группы в какой-то степени снижало ответственность окружной. Порой это приводило к недопониманию и издержкам во взаимоотношениях между должностными лицами.

Тем не менее в условиях той непростой обстановки мы старались работать на достижение общей цели, и со временем взаимодействие было отлажено. Более того, ведение боевых действий на сопредельной территории, с одновременной организацией охраны государственной границы линейными отрядами позволило нам приобрести уникальный опыт оптимального совмещения оперативно-служебных и оперативно-боевых действий по обе стороны границы. Такого в мировой практике еще не было.

Заместитель Председателя КГБ СССР – начальник Главного управления пограничных войск – начальник пограничных войск КГБ СССР генерал армии Герой Советского Союза Вадим Матросов

В последующем Среднеазиатскому пограничному округу стали ощутимо помогать сначала соседний Восточный, выделявший сводные отряды и маневренную группу, а затем и остальные округа пограничных войск Советского Союза.

Генерал-лейтенант Геннадий Згерский родился 20 ноября 1928 года в Белоруссии. Его отец служил в Пограничных войсках НКВД СССР. После окончания восьмого класса, Згерский уехал в Москву, где устроился работать на заводе – фрезеровщиком и слесарем. В 1951 году окончил Московский инструментальный техникум при заводе «Фрезер» по специальности сменный мастер.

В 1951 году Зверский был призван на срочную службу в пограничные войска. В 1953 году окончил Московское пограничное военное училище МГБ СССР. Был назначен на должность заместителя начальника заставы 27-го Мукачевского пограничного отряда. С 1954 по 1957 служил на должности заместителя начальника заставы по политической части в 36-м Сухумском пограничном отряде. В 1957–1960 Зверский – начальник заставы, а затем – начальник огневой подготовки 10-го Хичаурского пограничного отряда. С 1960 по 1964 – офицер боевой подготовки штаба Хичаурского погранотряда.

В 1964 году Зверский заочно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Был назначен на должность начальника отделения боевой подготовки 40-го Октемберянского пограничного отряда.

В 1965–1966 годы, Геннадий Анатольевич – офицер боевой подготовки штаба Закавказского пограничного округа. В 1966–1969 – начальник штаба 43-го Пришибского пограничного отряда. В 1969–1971 – начальник 42-го Гадрудского пограничного отряда.

В 1971–1976 Згерский служил на должности начальника 102-го Выборгского пограничного отряда Северо-Западного пограничного округа. С 1976 по сентябрь

1979 – занимал пост начальника оперативно-войскового отдела группы войск, заместитель начальника войск Тихоокеанского пограничного округа Тихоокеанского пограничного округа. С сентября 1979 по январь

1980 Згерский служил на должности начальника штаба, заместителя начальника войск Камчатского пограничного округа.

В январе 1981 Геннадий Анатольевич стал начальником штаба войск Среднеазиатского пограничного округа. Занимался планированием и проведением боевых действий осуществляемых группировкой пограничных войск на территории ДРА.

С июля 1984 по март 1988 Згерский командовал Закавказским пограничным округом. С марта 1988 по конец 1991 года он служил на должности помощника начальника Главного управления Пограничных войск КГБ СССР по специальным вопросам, а также являлся начальником Оперативной группы Погранвойск по Республике Афганистан, осуществляя вывод войск из этой страны.

В 1992 году Геннадий Анатольевич вышел в отставку. При этом он вел активную общественную работу, являясь Председателем Координационного совета Международного союза общественных объединений ветеранов (пенсионеров) пограничной службы.

Генерал-лейтенант Геннадий Згерский был кавалером орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР III степени». Был награжден 43 медалями.

Из жизни Геннадий Анатольевич ушел 2 марта 2013 года.

Сергей Минаков

В середине семидесятых я поступил на кафедру ближневосточных языков, что предопределило всю мою последующую службу. После ее окончания, в 1976 году, меня направили на советско-иранскую границу, где довелось служить на различных оперативных должностях.

К концу семидесятых стало очевидно, что в соседней стране, в Афганистане происходят какие-то события. На советско-афганской границе периодически происходило обострение обстановки, были случаи обстрелов наших пограничных нарядов. Поэтому, когда в 1979 году мне было приказано готовиться к поездке в Афганистан, я не был удивлен. Как позже выяснилось, накануне ввода войск в ДРА, возник дефицит переводчиков. Тут-то и понадобилось мое знание иностранных языков. Я должен был отправиться в Кабул, вместе с семьей.

Последовала череда тщательных проверок, однако в Кабул я так и не попал. Вместо этого был направлен в 66-й пограничный отряд, Восточного округа. Отряд дислоцировавшийся на Памире в населенном пункте Хорог. Но и в Хорог мне попасть не довелось, поскольку в январе 1981 года меня вызвали в Ашхабад, в Управление Среднеазиатского пограничного округа. Там получил новое назначение – на должность офицера окружного разведотдела. Здесь я прослужил два месяца, после чего, в марте, был направлен в оперативную группу, которая дислоцировалась в Таджикистане, на базе Пянджского пограничного отряда.

Оперативная группа занималась исключительно вопросами, связанными с Афганистаном: обеспечением безопасности государственной границы на афганском участке, подготовкой и проведением боевых операций. К тому времени на сопредельной стороне находились сводные боевые отряды советских пограничников – СБО. В основном они действовали на направлениях Пянджского, Московского и Хорогского пограничных отрядов.

Когда я прибыл в оперативную группу, в ней работало 10–12 человек. Группу возглавлял заместитель начальника штаба округа Николай Трофимович Бутько. Его заместителем был полковник Борис Мирошниченко (прежде он возглавлял 48-й пограничный отряд). Разведчиков возглавлял подполковник Анвар Халиков (до того он служил в Тахта-Базарском отряде). Тылом руководил капитан Петр Переверзев (позже он стал генерал-полковником, заместителем Директора ФСБ России по материально-технической части).

В составе опергруппы было несколько офицеров, отвечавших за подготовку и планирование операций, организацию взаимодействия и т. д. (их называли «операторами»), а также двое разведчиков – я и майор Рафик Шаназаров (из Ташкента).

На направлении Пянджского отряда, на сопредельной территории, уже действовало десять – двенадцать СБО. Они размещались в районах населенных пунктов: Рустак, Архаджа, Чахи-Аб, Даштикала, Янги-Кала и т. д. Операции, на тот момент, носили частный характер. Когда приходила информация о присутствии, в том или ином районе, бандитов, туда выдвигались наши подразделения. В этом было принципиальное отличие пограничников от армейцев, которые действовали «по площадям». Пограничники не начинали действовать, пока не получали информацию и ее подтверждение из нескольких источников. Разведка у нас была поставлена очень качественно, на высоком уровне.

Постепенно, по мере роста задач, численность оперативной группы увеличилась. Зона боевых действий, которые вели советские пограничники, также постоянно расширялась, поскольку позиции кабульской власти в большинстве приграничных районов были откровенно «никакими». Фактически они не контролировались правительственными силами. Органы власти были представлены революционными комитетами, размещавшимися либо в центрах провинций, реже – в улусвольствах (районах). До отдельных кишлаков эта власть чаще всего не доходила.

Анархию усиливал пестрый национальный состав афганского приграничья: узбеки, таджики, пуштуны – все они находились во враждебных отношениях разной степени. Периодически национальные вооруженные формирования заключали кратковременные союзы, которые быстро сменялись непримиримой ненавистью.

Внутри самой афганской власти шла неустанная борьба между «парчамистами» и «халькистами» («Хальк» и «Парчам» – два политических движения внутри народно-демократической партии Афганистана). «Парчамисты», в основном, входили в структуры госбезопасности, а «халькисты» – в афганскую милицию «царандой». Обе стороны откровенно пакостили друг дружке. Поначалу мы не ведали об этих деталях внутриафганской жизни. Случалось так, что «парчамисты» пытались «натравливать» пограничников на вооруженные группировки, лояльные «халькистам», и наоборот.

В первый год афганской компании, наши пограничниками проводились операции и рейды на «той стороне» лишь периодически и довольно бессистемно. Когда становилось известно о появлении в том или ином районе банды, туда выдвигался СБО. Иногда наши отряды успевали накрыть банду, иногда нет. Это напоминало игру в кошки-мышки, и инициатива оставалась на стороне противника. Было очевидно, что необходимо решать проблему кардинально, на всем протяжении советско-афганской границы. Для этого был организован ряд плановых операций, достаточно продолжительных по времени.

Первая такая системная операция, в которой мне довелось участвовать, проходила в районе населенных пунктов Сангали – Сакава, южнее Рустака. Там базировалась банда полевого командира Самада. Получив ряд поражений, она перешла на правительственную сторону и стала весьма успешно воевать против своих бывших подельников. Подобное поведение было свойственным для многих вооруженных формирований, которые, зачастую, воевали не столько из-за идеологических соображений, а исходя из вопросов выгоды.

До поры операции были достаточно локальными. Первая крупная операция была проведена на Памире осенью 1981 года, в месте схождения Куфабского и Джавайского ущелий. Это был стратегический район, где проходили караванные пути из Пакистана. Однако по большей части он оставался почти безконтрольным. Здесь находилось лишь несколько групп сторонников апрельской революции, располагавшихся по кишлакам вдоль границы. В них входила администрация населенных пунктов, афганские пограничники и царандой (милиция). Большого влияния на общее положение дел в этом районе они не оказывали. Кроме того, в Файзабаде, Тулукане и Кундузе было несколько наших советников.

Немалая часть Куфабского и Джавайского ущелий оставались вне нашего контроля из-за очень сложного, труднодоступного рельефа. Там и скрывались банды душманов. В них было немало местных жителей – идеологических противников афганских властей. В самих кишлаках бандитов не было, а сами банды были относительно небольшими. Но московских руководителей смущало то, что этот обширный район оказывался бесконтрольным. Тем более, с советской стороны здесь находился крупный административный центр – Хорог, который с афганской территории можно было достать пулеметной очередью. Поэтому Москва все время требовала взять район Куфаба под контроль. С этой целью в Куфабское ущелье планировалось с вертолетов высадить крупные силы пограничников, а также афганских военнослужащих и ополченцев.

С самого начала было очевидно, что операция будет непростой. Поэтому для контроля за ходом ее проведения, из Москвы был прислан генерал-полковник Иван Вертелко, курировавший действия пограничников в ДРА. Иван Петрович прибыл с решительными намерениями активизировать события, но очень скоро убедился, что в Афганистане все очень непросто.

Все площадки десантирования находились на высотах от трех тысяч метров над уровнем моря и выше. Больше четырех десантников за раз высаживать не получалось, даже при нормальных условиях. А условия обещали быть не нормальными, поскольку осенью погода в

Куфабском ущелье менялась по несколько раз в сутки. Это было ключевым фактором, от которого зависел успех будущего десанта, поскольку снабжение было возможно только по воздуху. Позже, во время боевых действий в горах случалось, когда вертолеты успешно высаживали десанты, но налетала плотная облачность, и те оставались без поддержки. Порой десантники оставались без поддержки около трех недель – из-за нелетной погоды не было возможности их усилить, обеспечить или хотя бы эвакуировать.

Вот и в этот раз горы то и дело закрывались и начало операции, то и дело переносилось. Чтобы ускорить дело, Вертелко вызвал к себе подполковника Владимира Краснова, который, в ходе операции, руководил авиацией. Спросил, что нужно для успешной высадки десанта. Краснов ответил с юмором:

– Дайте мне Героя Советского Союза (посмертно) и я полечу!

В конце концов погода установилась, и в октябре-ноябре 1981 года операция была проведена. К сожалению, она имела локальный успех, поскольку выбор площадок для десантирования был ограничен. Басмачи отлично знали все места, куда мог сесть вертолет, держали их под прицелом и не давали десантникам развить продвижение.

Десантирование прошло весьма неудачно, почти сразу же пошли большие потери. Только в первом эшелоне было убито восемь человек, множество десантников получило ранения, в том числе и начальник нашей опергруппы – полковник Николай Бутько. Он был тяжело ранен прямо на площадке десантирования, которую душманы накрыли плотным огнем. Пуля попала Николаю Трофимовичу в колено, он потом всю жизнь прихрамывал.

Лично мне запомнилось, как накануне в распоряжение нашей мангруппы с Дальнего востока прибыло два офицера-стажера, один – медик, второй – оператор. Бутько приказал посадить их в вертолеты и отправить на афганскую сторону, в первой волне десанта. При высадке один из стажеров – медик, погиб. Не провоевал даже одни сутки!

Та – первая Куфабская операция, оказалась неудачной из-за потерь и почти не принесла результатов. Я не попал в состав десанта совершенно случайно. Жена попала в госпиталь с воспалением легких. Мне пришлось сидеть с сыном. Командование пошло навстречу и оставило меня на базе, в Пяндже, одного – поддерживать связь.

В последующем, боевые действия в районе Куфаба происходили ежегодно. Чтобы держать Куфабское ущелье под контролем, в нем было выставлено шесть гарнизонов, которые размещались в точках, пригодных для десантирования. Схожая ситуация была с Джавайским ущельем – гарнизоны стояли на всем ее протяжении. В этом районе у нас была хорошо поставлена разведка, мы хорошо знали обстановку, были обеспечены надлежащей поддержкой со стороны местного населения и научились наносить противнику упреждающие удары.

Воевать в Куфабском ущелье, как и везде на Памире, было крайне сложно. Почти половина потерь понесенных там имели не боевой характер. Не выдерживала техника, люди срывались в ущелья, попадали по камнепады и лавины. Из положительных сторон можно выделить то, что нашими сторонниками в районе Памира были исмаилиты. Они успешно воевали против душманов, оказывали существенную поддержку советским пограничникам.

Переговоры с афганскими старейшинами позволяли пограничникам решать многие проблемы без применения силы

С самого ввода войск Афганистан, мы старались наладить хорошие взаимоотношения с местными жителями, перетянуть их на свою сторону. Например, в ходе самой первой Куфабской операции, вместе с нашими десантниками в боях участвовало двести человек афганских ополченцев. Это были люди того самого Самада, с которым пришлось воевать в 1981 году. Под ударами пограничников, он принял решение перейти на правительственную сторону и стал успешно воевать против своих бывших соратников.

Во время Куфабской операции, этот самый Самад, помог нам самым неожиданным образом. Оценив ситуацию, сложившуюся в Куфабском ущелье, он неожиданно предложил:

– Вместо того, чтобы воевать с местным населением привезите им керосин и соль. И они не только перейдут на вашу сторону, но еще и выгонят всех пришлых бандитов.

Как ни удивительно, Самад оказался прав. Как только мы начали оказывать местному населению гуманитарную помощь, приграничные кишлаки стали мирными. Если в них приходили пришлые басмачи, местные их выгоняли. В качестве гуманитарной помощи мы привозили муку, сахар, соль, детскую обувь, учебники, тетради.

Позже не раз доводилось убеждаться, насколько важна работа с местным населением, сколько проблем можно решить, не прибегая к силовым методам. В этой связи вспоминается случай, произошедший на северо-восточном фесе нашего участка ответственности. Была высажена Пянджская десантно-штурмовая мангруппа (ДШМГ). Погода «закрылась» и группа оказалась отрезанной. Группой командовал Николай Юдин (позже он погиб). Чтобы выручить группу, мы встретились с местными авторитетами, из приграничных населенных пунктов. Им было сказано, что нам необходимо доставить одной из наших пограничных групп уголь. Попросили обеспечить доставку и безопасность каравана. А взамен пообещали каждому из участников встречи по сорок литров керосина и мешку соли. Договорились.

Двинулись из поселка Калай-Хумб, что был на советской стороне. Там через пограничную реку Пяндж был протянут всячий мост. Течение там бурное, по-другому ее не преодолеть. С афганской стороны местные жители подогнали ишаков. На них были загружены мешки с углем и дровами – для десантников. Кроме того, внутрь мешков мы загрузили боеприпасы, продовольствие и аккумуляторы для радиостанций. Караван ушел, и трое суток о нем ничего не было слышно. Затем на связь вышел Николай Юдин и доложил, что груз благополучно прибыл.

Чтобы отблагодарить афганцев, мы подогнали целый бензовоз с керосином и груз соли. Однако на той стороне оказались совсем не те люди, которые провели караван. Оказалось, что это – владельцы ишаков. Они также потребовали свою долю. Мы полдня потратили на то, чтобы уладить конфликт интересов. В результате вознаградили и тех и других.

Пока выясняли – что к чему, я расспросил караванщиков, не пришлось ли им по пути встречать душманов. Оказалось, что да – те останавливали караван. Когда спросили у караванщиков, что и кому они везут, те честно ответили – везем уголь и дрова для шурави. Басмачи, конечно же начали обвинять караванщиков в предательстве интересов ислама, но те резонно ответили, что бизнес – есть бизнес. Раз советская сторона пообещала заплатить за доставку груза, то он должен быть доставлен. И душманы пропустили караван, поскольку в Афганистане уговор есть уговор.

Особенно местные жители ценили советскую медицинскую помощь. Они то и дело приходили к нашим гарнизонам, просили дать лекарства. Как ни странно, самые простейшие лекарства творили буквально чудеса – афганцы выздоравливали буквально на глазах. Врачи объясняли этот феномен так – местные жители с детства не ведали лекарств. Иммунитет у них был сильнейший, а организм был словно чистый лист. Простейшая таблетка стрептоцида или парацетамола помогала афганцу в таких ситуациях, где европейцу потребовалась бы серьезная операция.

Генерал-лейтенант Сергей Минаков родился 17 июня 1950 года в Донецкой области, в городе Снежное. В 1969 году был призван на срочную службу, в Пограничные войска КГБ СССР. Проходил службу в Краснознаменном Закавказском пограничном округе.

В 1976 году окончил Высшую краснознаменную школу КГБ имени Ф. Э. Дзержинского при Совете Министров СССР. С 1976 г. проходил службу в Закавказском и Краснознаменном Среднеазиатском пограничных округах. В 1981–1989 годы выполнял задачи на территории Демократической Республики Афганистан. Прошел путь от офицера разведывательного отдела до заместителя командующего войсками Кавказского особого пограничного округа по разведке.

В 1997 году окончил Военную академию ГШ ВС РФ. С 1997 по 2001 год служил на руководящих должностях в Департаменте оперативной деятельности ФПС РФ. С 2001 году – начальник Западного регионального пограничного управления ФСБ России.

Награжден рядом правительственных наград, в том числе – орденами Красной звезды, Красного знамени, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, «За личное мужество».

Фарит Шагалеев

Уже в октябре семьдесят девятого наша Марыйская авиа-эскадрилья приступила к разведывательным полетам вдоль границы с Афганистаном. Команда на переход государственной границы поступила в начале января 1980 года. Как известно, СБО Хорогского отряда переправился на сопредельную территорию в районе Калайи-Хумба 8 января. Однако накануне туда вертолетами был успешно высажен сводный отряд соседей.

Герой Советского Союза майор Фарит Султанович Шагалеев

Личный состав перебрасывали скрытно, задачу ставили на месте – в районе сосредоточения.

Авиация пограничных войск Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа (КСАПО) и Краснознаменного Восточного пограничного округа (КВПО), как правило, работала в своих зонах ответственности. Были и прикомандированные экипажи, прибывавшие из других пограничных округов СССР. В зависимости от уровня подготовки приданным экипажам предстояло работать на соответствующих участках. Каждому отряду «нарезали» зону ответственности. В интересах СБО работала и авиация: разведка, ракетно-бомбовые удары по скоплениям противника.

В кратчайший срок наши экипажи приступили к работе в горном Бадахшане. В Душанбе мы были уже 12 января. Сначала базировались на стоянках «Аэрофлота». К формированию 23-й эскадрильи приступили в апреле 1981 года на базе аэропорта города Душанбе. В эскадрилье восемнадцать «бортов»

Ми-8, шестнадцать Ми-24, а также пять самолетов «Ан-26». Личный состав, в общей сложности – триста пятьдесят офицеров и прапорщиков.

Руководство Таджикистана нам сильно помогало. Практическая помощь оказывалась и Правительством, и Советом министров, и ЦК компартии Таджикской ССР. А по-другому и быть не могло. Организовалось в Душанбе звено из шестнадцати вертолетов – получите шестьдесят квартир. Во так!

Уже к 9 мая восемьдесят первого сдали первый 70-квартирный дом. Позже еще сорок квартир получили от Правительства Таджикской ССР. А к новому году закончилось строительство 110-квартирного дома. Короче говоря, начинали фактически с нуля, но было построено все, что требовалось, для обустройства и быта личного состава. Экипажи уходили в командировки на сорок пять – пятьдесят суток, зная, что у семей и крыша над головой, и человеческие бытовые условия. Экипажи возвращались на те же регламентные работы, проводили несколько суток в семейном кругу и снова окунались в войну в полном спокойствии за состояние дел в тылу.

Формирование эскадрильи шло на базе звена вертолетов 4-й отдельной авиационной Марыйской эскадрильи. Потом еще техники прибавилось. В начале восемьдесят первого летчики освоили Ми-24. Позже, в восемьдесят третьем, 23-я эскадрилья была переименована в Краснознаменный отдельный авиационный полк. К тому времени уже было двадцать восемь вертолетов Ми-8, двадцать Ми-24, отряд самолетов и отряд вертолетов Ми-26. Ну никак все это нельзя было назвать «эскадрилей»...

И пошли наши боевые будни. Вылеты, ракетно-бомбовые удары, высадка десантно-штурмовых, мотоманевренных групп. Сопровождали технику до мест дислокации. Помогали брать укрепрайоны.

Полеты на войну совершали и днем и ночью, в простых метеоусловиях и сложных. Экипажам Ми-8 порой приходилось выполнять посадки с десантом на борту в горах на ограниченные площадки, подобранные с воздуха, на высоте трех с половиной тысяч метров. Вскоре понесли первые потери – уже первый вертолет из состава эскадрильи не вернулся 23 февраля.

Но результат тех первых боев был достойный. В результате серий операций «Весна-80», «Лето-80» и «Осень-80» удалось освободить достаточно большую территорию в приграничных районах северного Бадахшана и провинции Тахор. В мае того же года для прикрытия границы с Китаем и Пакистаном проведена операция «Крыша». В этой операции для десантирования пограничников и прикрытия наземной группы были задействованы свыше десятка вертолетов Ми-8.

Много было для нас работы. Наши вертолеты не только непосредственно в боевых действиях участие принимали. И на спасение экипажей вылетали, и погибших вывозили. А полеты по санитарному заданию? Да у меня самого только 238 вылетов. Как потом говорили душанбинские медики, благодаря нам до восьмидесяти процентов раненых с того света достали и на ноги поставили. Я же все-таки понимал, что, если вот этот пацан, в живот раненный, через шесть часов на операционный стол не попадет, все – труп. Вот и рисковали: и в горы шли ночью, и в облака, и в туман... Ночью еще хоть какие-то ориентиры видно, а в тумане и облаках, только по навигационным приборам ходили.

В самом начале войны авиационные группы были относительно малочисленны, да и боевой опыт практически отсутствовал. Спустя два года большинство операций проходило уже в аэромобильном варианте. Доставляли к десантированию наземные подразделения по воздуху. Операции готовились тщательно, но не всегда все проходило гладко. Противник имел достаточно хорошую подготовку.

В декабре восемьдесят первого в районе Дашти-Кала угодила в засаду десантно-штурмовая группа, следовавшая ночью в район проведения спецоперации. Шли колонной на БТР и БМП. Моджахеды подстерегли колонну на марше и навязали ночной бой.

Когда пограничники вызвали на подмогу авиацию, я полетел в паре с ведомым, на котором были подвешены САБы – осветительные бомбы. Пока сброшенные им «прожектора» медленно опускались на парашютах с километровой высоты, с моей машины велся огонь из всего бортового оружия. На земле не отставали: поддержка с воздуха – могучий стимулятор в процессе поднятия боевого духа. Хватило двух вертолетов. Остальные экипажи площадок не покинули.

Майор Шагалева (в очках) во время скоротечного обеда, в перерыве между боевыми вылетами.

Всякое случалось... Помню, в конце восьмидесятого – то ли в сентябре, то ли в октябре... да, не важно – на перевале Гумбак заканчивалась операция и надо было десантно-штурмовую группу подполковника Файзиева оттуда снимать. Отработали несколько «бортов», я крайним пошел. В ночь. А высота перевала 3600 метров. Сел где-то около 23 часов... И тут выяснилось, что бойцов там тридцать восемь человек да плюс пулемет ротный. Ну и что: до утра всех оставлять? А поутру – за трупами возвращаться?! Нет, так дела не делают. А как?

Ну, обошел свой Ми-8Т, дистанцию взлетную промерил... Шагами. Посмотрел, где оторваться можно, в какой точке. Вижу, с одного края уклон градусов пятнадцать. Техника там поставил, чтоб в случае, если ненароком при рулежке туда случайно заворачивать начну, послышался. Конечно же с экипажем все обговорили: знали, на что идем.

Ну, загрузились все впритык. Перегруз за максимальную полетную массу килограммов на семьсот. Вырулил, дал максимальную мощность, вертолет поднял на несколько сантиметров – висит... Знаю, что для разбега у меня не более тридцати пяти метров. В общем, взлетели «на переднем колесе». А как вывалились из ущелья, начальник авиационного отдела Среднеазиатского пограничного округа – Колокольников Аркадий Степанович вышел на прямую связь. Спрашивает: «Сколько везешь, Фарит?» Говорю, всех забрал...

Помню, на Иоле сели, к командирской стоянке зарулил. Смотрю: встречает нас Аркадий Степанович, «беломориной» дымит и считает всех, кто выходит... Так всех и пересчитал... Я последним вышел.

Не-ет, ребят наших мы в беде не бросали. Да что там говорить! Помню, пошла десантно-штурмовая группа перевал брать. Своим ходом пошли – сразу десантировать не рискнули. Там их могли уже ждать: случалось такое и не раз. А группы эти формировали из резервных застав. Четыре заставы сформировали – вот и группа. А у них там и проводники с собаками.

Слышу, ругается их майор Борис Марков – их командир. Ну, спрашиваю: что там стряслось? Оказалось, что какой-то сержант тащит на себе собаку – уже третий километр. Та вымоталась вконец. И что хочешь, то с ним и делай, а бросать – не бросает. Его собака, с ней на границу пришел. А она, овчарка эта, с теленка весом – не меньше.

Мне что-то тоже жалко ее стало. Да ладно тебе, говорю, придумаем что-нибудь. Подхожу к бойцу, спрашиваю: кому можно пса его пристроить, пока назад не вернется? Есть кто знакомый? Давай, я ему отвезу. Ты только на ошейнике фамилию свою напиши. Ну, уговорили. В отряд собаку отвез с трудом, но разорвали их союз...

Уже потом, как все закончилось, по воздуху ребят с перевала вывозили. Я как раз первым сажился, за мной остальная группа. Смотрю – привели пса того. Ну, думаю, интересно, что там дальше будет?

А вертолеты с интервалом садятся. Первый сел, второй... Смотрю, забежал пес: туда пробежал, сюда пробежал. Где-то только из четвертого или пятого вертолета хозяин его вышел... Что было! Пес его от сапог до макушки вылизал. Места сухого не оставил... Смотрел я на них – и так... Это я к тому, говорю: к собаке по-людски отнесешься – душа на подъеме. А человеку жизнь спасаешь... Тут и слов-то не подберешь...

Начиная с восьмидесят второго обстановка стала усложняться. Среднеазиатский пограничный округ получил несколько вновь сформированных мотоманевренных групп. В ходе серий операций «Долина-82» они были введены в Афганистан и размещены на севере страны в шести провинциальных центрах.

В мае того же года в районе Куфабского ущелья провели спецоперацию, которой руководил непосредственно начальник Пограничных войск КГБ СССР генерал армии Вадим Александрович Матросов. В операции, которая длилась семнадцать дней, были задействованы свыше полутора десятков вертолетов Ми-8 и Ми-24.

Охота на нас была открыта без поправки на сезон. Летали мы как минимум парой. Так вот они по первому вертолету не били – умные. Со второго-то видят, откуда бьют. И ответить могут прицельно. Нам били вдогонку. Вот почему, думаете, появились на Ми-8 стрелки-пулеметчики у аварийного люка на створках? Жизнь заставила! Зеркала же заднего обзора не поставишь – не автомобиль все-таки. И расстояния не те, и маневры не те. Высота: то одна, то другая.

Вот порой спрашивают, что значит: «летать по-афгански»? А вот что значит. Первое время, когда ПЗРК не было, летали на высотах 700 – 1200 метров. «Стингеры» появились, летать на такой высоте опасно стало. У них дальность стрельбы пять с лишним километров. Ну не на восемь же тысяч подниматься! Сделали наоборот: ушли на предельно малые высоты. Это позволило и вероятность обнаружения уменьшить, и время на прицеливание до минимума сократить... Вот идешь, бывало, на высоте 3–5 метров, а за тобой пыль клубится, как завеса дымовая. Да и идешь-то неровно: рыскаешь то вправо, то влево...

В восьмидесятом меня наградили орденом Октябрьской Революции. А 8 апреля 1982 года – присвоили звание Героя Советского Союза. Помню, когда Звезду мне вручили, Матросов сказал: «Все! Дальше речки Пяндж больше не полетишь». Тогда, говорю, с должности меня снимайте: какой я командир эскадрильи, если не в строю?

Так и остался там до восьмидесят третьего. Потом перевели в Москву на должность летчика-инспектора, но я продолжал лететь в ДРА до конца войны.

Фарит Шагалеев родился 8 февраля 1947 года в городе Барнауле Алтайского края. В 1964 году поступил в Ташкентский авиационный спортивный клуб ДОСААФ, где обучался летать на самолете «Як-18» и вертолете «Ми-1». В 1967 году поступил в Аткарский авиационный центр ДОСААФ, по окончании которого ему было присвоено звание младшего лейтенанта запаса. В 1970 году призван в Военно-воздушные силы РФ и направлен в пограничные войска на остров Сахалин. Летал на вертолете «Ми-4», прошел путь от летчика-штурмана до командира звена. В 1973 году экстерном окончил Сызранское ВВАУЛ. С 1978 года проходил службу в пограничных войсках в Средней Азии.

С декабря 1979 года по апрель 1983 года участвовал в боевых действиях в Афганистане. При выполнении боевых вылетов проявлял исключительную личную храбрость, летное мастерство и высочайший профессионализм. Принимая участие в боевых действиях на территории ДРА, совершил свыше 1200 боевых вылетов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1982 года подполковнику Шагалееву Фариту Султановичу за образцовое выполнение воинского долга, проявленные при этом мужество и героизм присвоено звание Героя Советского Союза.

Генерал-майор в отставке Шагалеев Ф. С. – летчик-снайпер – имеет более 9000 часов налета. Совершил более 400 прыжков с парашютом.

Награды: медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза; орден Ленина; орден Октябрьской Революции; орден «За личное мужество», медали.

Из жизни Фарит Султанович ушел 10 июня 2014 года.

Вячеслав Зиновьев

Говорят слово «Душанбе» с таджикского переводится как «понедельник». Я прилетел в Душанбе в понедельник, аккуратно на свой день рождения – 3 ноября восьмидесятого года. В тот день нас было трое – экипаж вертолета Ми-8: командир – Анатолий Помыткин, штурман – Александр Суханов, и я – борттехник. В Таджикистан мой экипаж перевели с Дальнего Востока. До того мы служили в Южно-Сахалинске. Служба была интересная, летали много, но как любому профессионалу, нам хотелось большего. Потому как только представилась возможность перевестись в Таджикистан мы пошли на это, хотя прекрасно были осведомлены, что придется участвовать в разгоравшейся афганской войне.

Борттехник Ми-8 капитан Вячеслав Зиновьев (в центре) в составе экипажа

Наш экипаж оказался одним из первых в составе авиаподразделения, позже ставшим известным душанбинским авиаполком. Но в восьмидесятом никакого полка еще не было – было только звено от Марыйского авиаполка. Поначалу им командовал майор Юрий Мирошниченко, а затем майор Виктор Лазарев. Там было несколько вертолетов и два самолета. Небольшой сплоченный коллектив. Лишь позже, на моих глазах появилась эскадрилья, а затем уже возник полк. Менялись и командиры. В 1982 году была создана отдельная эскадрилья, с Небит-Дага к нам был переведен майор Шагалеев, в будущем – Герой Советского Союза. Позже его сменил подполковник Владимир Мусаев.

Людей поначалу было мало, но это был настолько сплоченный коллектив! Нагрузки на каждого были большие, свободного времени почти не оставалось. У нас даже не проводили обязательные в ту пору политинформации, с призывами к исполнению интернационального долга. Но и без этого ответственность и моральный дух каждого представителя звена был очень высок. Все осознавали, насколько важную работу мы тогда делали. Служба была интересная. Регламентные работы проходили в гражданском аэропорту Душанбе, на «аэрофлотовской» базе. Базиrowались там же – в гражданском аэропорту, где в конце полосы пограничникам была выделена стоянка.

Вертолеты звена обеспечивали охрану границы не только на линии границы, но и в глубине Афганистана, где всюду шла война. Машины то и дело уходили на боевые операции. Для нас, вновь прибывших, это было удивительно. На Сахалине основными задачами было снабжение застав, патрулирование прибрежной акватории на предмет обнаружения браконьеров, словом, мирная работа. А тут прилетаем, и словно оказываемся в другом измерении. В тебя стреляют, ты сам стреляешь в ответ. Приземляешься на площадке в том же Московском отряде или Пянджском, а рядом с ней лежат бомбы в укупорке, ящики со снарядами и патронами. По всей стране мирная жизнь, а здесь реальная война.

В 80-м году боевые действия шли по нарастающей. Пограничникам «нарезали» зону ответственности до 300 километров вглубь Афганистана. Экипажи звена периодически летали дежурить на площадках Московского и Пянджского погранотрядов. Такие командировки обычно длились по двадцать-тридцать дней, в зависимости от сложности проводившейся опе-

рации. Иногда дежурили и на более близких к границе площадках, например на «Иоле», недалеко от Куфабского ущелья. Позже появилась точка в Шурабаде, там был небольшой аэродром для Ан-2. Когда шла операция в Куфабском ущелье действовали оттуда. Жили во время дежурств на «точках» в полевых условиях, в палатках.

Нас, новичков, довольно долго не привлекали к боевым операциям, сначала мы должны были пройти всестороннее обучение, врасши в обстановку. Мой первый боевой вылет состоялся только в марте 1981 года. В тот момент вертолеты нашего звена работали на участке Пянджского отряда. Операция по высадке десанта проводилась в районе Янги-Калы. До Пянджа предстояло ехать на машине, так как все вертолеты были в деле. Хорошо помню тот день. Мы с Помыткиным и Сухановым ехали на «санитарке». По прибытии получили машину и в тот же день совершили первый боевой вылет – доставили на ту сторону груз.

А 13 марта началась основная фаза операции. Наш экипаж погрузил на борт вертолета десант, и мы направились за «черту», как мы называли линию Государственной границы. Шли в сторону Московского отряда через перевал. Когда уже прошли через перевал, начали снижение, неожиданно машину начало дико трясти. Оказалось, у вертолета произошел отрыв хвостового винта. Машина стала падать с высоты шестисот метров. Вертолет совершил три оборота вокруг собственной оси и упал на правый борт. Основным удар пришелся в кабину экипажа.

Говорят, в такие моменты проносится перед глазами вся жизнь. Со мной ничего такого не происходило, думал только о том, что я должен сделать как бортехник. После падения я успел перекрыть топливные краны, предотвратил подачу топлива, чтобы двигатели не загорелись. Запомнилась только дикая тряска – такая, что показаний приборов не было видно! Все сливалось перед глазами. Тряска была раз в десять сильнее, чем при штатной посадке.

Упали на афганском берегу, где-то на стыке Пянджского и Московского отрядов. Пострадали экипаж, подполковник-разведчик, лейтенант-разведчик и еще два солдата. У всех троих членов экипажа был компрессионный перелом позвоночника. Кроме того штурман получил перелом ноги, ему же осколком блистера разрезало шею, примерно на пять сантиметров (штурман позже выздоровел, но ему пришлось долгое время питаться через трубочку). Почти сразу после падения нашей машины, рядом сели четыре вертолета, экипажи которых оказали нам помощь. Тех, кто пострадал тяжело, загрузили в один вертолет и отправили на наш берег, а тех, кто легко, или вообще не пострадал – в остальные машины, и на десантирование.

Позже я узнал, что это был второй случай в Союзе, когда отрыв у вертолета хвостового винта был квалифицирован не как «катастрофа», а всего лишь, как «авария», то есть – без человеческих жертв. Кстати, после нашего случая была переписана инструкция для экипажей вертолетов Ми-8. Если прежде при отрыве хвостового винта экипаж был обязан покинуть машину, то после нашего случая был разработан ряд рекомендаций – что делать для минимизации последствий. Наши действия были подробно разобраны и признаны верными, а я еще раз убедился, что подобные инструкции действительно пишутся кровью, в самом прямом смысле.

Мы, с Помыткиным и Сухановым, загремели в госпиталь. Лежали два месяца. Нас хотели списать, но мы уговорили врачей оставить нас на службе и позволить летать. Затем экипажу дали месяц отпуска по ранению – наши травмы по приказу были квалифицированы как тяжелые ранения. В госпитале нас навестил тогдашний командующий авиацией пограничных войск Николай Алексеевич Рохлов. Спросил – какие пожелания. Мы сказали:

– Желание одно – поскорее подняться в воздух. Вот только из-за трещин в позвоночниках, врачи нас наверняка комиссуют.

Николай Алексеевич тогда ответил:

– С врачами я вам не помогу. Но если сумеете с ними сами разобраться, возвращение на летную работу гарантирую.

Врачей мы сумели обмануть, скрыли свои реальные травмы. Хотя, подозреваю, они прекрасно все понимали. А еще через месяц всем экипажем вышли на службу. Так до конца

службы и летали этими с травмами. Причем Помыткин продержался в небе дольше всех, уволился в середине девяностых. Сейчас живет под Одессой.

По возвращении в полк к полетам нас допустили не сразу. Снова подняться в небо удалось только осенью. Сначала было страшно, особенно когда вертолет начинал вибрировать на посадочном режиме. Страх держался почти полгода. Каждый раз приходилось переламывать себя, заставлять себя не бояться. Через полгода страх ушел, и я стал летать нормально.

Между тем, работы день ото дня прибавлялось. Душманы постоянно активизировались, боевые операции шли одна за другой. Как на любой войне случались потери. В октябре 1981 года во время операции в Куфабском ущелье погибли ребята из Марыйского полка – экипаж Скрипникова. Мы прекрасно отдавали себе отчет, что следующий вылет может стать последним для каждого из нас, но старались об этом не думать. Хотя иногда смерть проходила очень близко.

В марте 1982 года очередная операция проводилась в городе Тулукане. На окраине Тулукана располагался старый аэродром. В районе этого аэродрома скопилось большое количество боевиков. В самом Тулукане находилась десантно-штурмовая группа пограничных войск. Для ее прикрытия была собрана большая авиагруппа. Сначала было проведено бомбометание, затем последовала высадка десанта.

Пограничный Ми-8 наносит удар НУРСами – неуправляемыми реактивными снарядами

Накануне операции я был включен в состав экипажа капитана Николая Мизина. Наш вертолет перед высадкой десантников должен был «обработать» ракетами позиции душманов, расположенные в домах-мазанках, окружавшими место высадки. В ходе боя мы совершили несколько заходов на позиции противника. Душманы активно отстреливались. Было видно, как из оконных проемов сверкали вспышки от выстрелов. Командир старался поразить их НУРСами. Я вел огонь из автомата, закрепленного на шкворневой установке, из заднего левого блистера. Прикрывал машину с задней полусферы.

В какой-то момент мы атаковали очередной дом, с укрывшимся в нем противником. Когда легли на боевой курс, выяснилось, что ракеты закончились. Опорный пункт подавить не удалось и душманы ударили по нам из всех стволов. Такой треск пошел! По нам били из пулеметов и автоматов. В этот момент сказало мое личное везение. При выходе с боевого курса,

я направился на свое штатное место – в пилотскую кабину. Только отошел, как буквально тут же то место, где я находился за секунду до того прошили две пули, и ушли в потолок. Когда вернулись в Пяндж, осмотрел пробоину. Пули прошили пол, и немного не дойдя до двигателя, застряли в перегородке. Не отойди я вовремя, оказался бы на траектории этих пуль. Повезло!

Вообще, поначалу везло не только мне, но и всей части. За первые два года войны в Душанбинском полку не было ни одной потери. Потери были только в Марыйском полку. Мы очень гордились этим обстоятельством, и, как сглазили! В какой-то момент в Мары потери снизились, а в нашем полку пошла по нарастающей. В целом начале восьмидесятых, нам, вертолетчикам, воевать было проще, чем в 85—86-м годах. Поначалу афганцы считали, что вертолетчикам сверху видно все. Они сразу прятались и не поднимали головы, пока мы не улетим. Позже они поняли, что мы далеко не так всемогущи. К концу 83-го года душманы осмелели, стали стрелять по бортам из стрелкового оружия, гранатометов. Еще больше ситуация ухудшилась с появлением ДШК и «Стингеров». Во время операций в Тулукане и Куфабском ущелье противник огрызнулся достаточно агрессивно.

Лично для меня очередной «пиковый» момент случился в один из дней весны восемьдесят третьего года. В один из дней мы парой полетели с площадки в Московском отряде. Нужно было провести разведку в районе Рустака и подыскать площадку для высадки десанта. Я был в составе экипажа Сергея Быкова. Летели на «буфете» – невооруженном варианте Ми-8. Из вооружения было только личное оружие – автоматы. Второй вертолет в паре был такой же.

Вылетели рано утром. Вскоре подходящая площадка обнаружилась. При подборе площадки высоко в горах обязательно следует уточнить какое у нее превышение над уровнем моря. Проверяется это просто – необходимо на эту самую площадку сесть – на высотомере будет виден метраж. Словом. Мы стали садиться на эту площадку. Вдруг вижу – прямо на площадке оборудован духовский опорный пункт. Душманы спросонья не ожидали такой наглости, разбегались во все стороны как тараканы.

Я кричу Сергею:

– Прямо под нами окопы!

Мы в этот момент шли вниз. Быков тут же поднял шаг-газ, однако вертолет продолжал «сыпаться» вниз. Лопасты молотили что есть сил, но машина снижалась – воздух-то разрежен. Мы уже коснулись передней стойкой земли, и только после этого пошли вверх. В эти секунды душманы пришли в себя и стали стрелять. Я, как назло, перед вылетом уступил свое место подполковнику-разведчику из Московского отряда и даже дал ему свой бронежилет, а сам сидел в грузовой кабине. Пули стали прошивать машину, словно та была из картона. Стало очень даже не по себе. Но несмотря на обстрел, нам удалось поднять вертолет и уйти. Когда вернулись домой, наш «буфет» был как решето. Одна пуля прошла обшивку около затылка. Еще одна вошла где-то за моей спиной. Она шла точно в голову пилота, но застряла в перегородке между тягами. Да еще разведчику порвало сапог. Повезло!

Заслуги моих боевых товарищей не остались незамеченными. Помню, как мы гордились за свой полк, когда его наградили орденом Красной Звезды. Правда, наших коллег – Марыйский авиаполк поощрили более высокой наградой – орденом Боевого Красного Знамени. Но это и понятно почему, тот полк был одним из старейших в пограничных войсках – основан еще в 1936 году. Зато пилоты – Герои Советского Союза, появились только в Душанбинском полку!

В июле 1983 года я приехал к новому месту службы – в Воркуту. Для меня началась новая глава жизни. Служба за полярным кругом отличалась от всего, чем приходилось заниматься до того. Начать с того, что экипажи летали в составе четырех человек. К штатному составу добавлялся бортмеханик, выполнявший роль радиста. На вертолет устанавливалась мощная ламповая радиостанция. Расстояния на Севере огромные, ретрансляторов было мало. В случае плохой слышимости можно было связаться с диспетчерами только при помощи азбуки Морзе. Умение работать на ключе было обязательным условием.

В Заполярье пограничной авиации приходилось выполнять совершенно необычные задачи, не свойственные для других регионов. Например, к 1 сентября доставляли школьников – детей местных жителей. Накануне учебного года, наши вертолеты облетали оленеводческие стойбища, собирали детей и везли их в Воркуту – учиться. Примечательно, что оленеводы не хотели отдавать детей в школу. Тем приходилось жить в интернате по полгода в отрыве от родителей. К тому же северяне плохо переносили полеты в вертолете. Поэтому часто детей на оленях увозили в тундру. Бывало, прилетаешь на стойбище, детей нет, везти некого. Часто случались санвылеты: ранит кого в тундре, приключится приступ аппендицита, или начнутся неожиданные роды. Причем без разницы кого везти на «большую землю» – пограничника, или гражданского, все на нас. Пока я служил с 1983-го по 1990-й подобных санрейсов было очень много.

Летать приходилось много и далеко. Самыми удаленными географическими точками, куда меня заносило, были земля Франца Иосифа и остров Виктории. Во время полетов довелось повидать немало всего необычного и интересного. В это число можно включить вылеты на научные станции. Одна из них размещалась между мысом Челюскин и островом Средний, на древнем леднике. Мы помогали тамошним научным сотрудникам поддерживать связь с «большой землей». Полярники радушно встречали нас. Что интересно, станция находилась на леднике несколько десятков лет. За это время лед под домиками полярников подтаял, и они словно выросли ледник. Снаружи оставались одни только флаги и антенны. Внутри станции чувствовал себя словно в подводной лодке. Чтобы попасть в нее, нужно было пройти по длинному наклонному тоннелю. Тоннели полярники прожигали внутри ледника теном. Лед был чистый-чистый, невероятного голубого цвета. Полярники добывали воду прямо из этого столетнего льда. Вода чистейшая!

А на острове Вавилова находилась золотодобывающая артель. Ей мы также помогали. Артель была основана еще в 1936—38 году. Охрана сразу предупредила – если увидите где золото, не трогать! А то были бы неприятности, там с этим строго. Так же как и научная станция, золотодобывающий комбинат располагался глубоко подо льдом. Внутри поражала стерильная чистота. Тогда я впервые увидел золото в чистом виде – мне дали посмотреть на него!

За полярным кругом сохранилось множество исторических мест, фактически неизвестные широкой публике. Благодаря моей службе мне удалось побывать во многих из них. Например, в бухте, где останавливалась экспедиция Седова. Из этой точки он покорял Север. На берегу бухты стоял старинный крест. На кресте было написано – «Седов» и годы, когда там работала экспедиция.

Но, пожалуй, самым необычным объектом в Арктике была бухта Тихая, на земле Франца Иосифа. Там во время Второй мировой войны находилась немецкая база подводных лодок. На базе были обустроены участки для посадки гидросамолетов, причалы для подводных лодок. Говорят, эта база просуществовала до 1956 года! Неподалеку от бывшей базы находилась наша погранзастава. Наши пограничники часто находили в этой бухте немецкие пуговицы, пряжки, консервы. Говорят, эти консервы оставались съедобными даже спустя десятки лет.

Вячеслав Зиновьев родился 3 ноября 1959 года. В 1976, после окончания средней школы, поступил в Краснознаменное Харьковское высшее военное авиационное училище. Окончил училище в 1979 году. По распределению попал в авиацию Пограничных войск КГБ СССР. Был борт-техником вертолета Ми-8Т, МИ-8МТ.

Первым местом службы стал Дальний Восток – Южно-Сахалинск, где Зиновьев проходил службу с 1979-го по 1980-й год. В 80-м экипаж Зиновьева был переведен с Сахалина в Таджикистан. В Таджикистане Зиновьев проходил службу с 80-го по 83-й год, выполняя задачи на территории ДРА. В 1983 году был направлен для прохождения службы в Воркуту. В 1990-м ушел на пенсию.

Валерий Попков

В Афганистан я попал, что называется, по собственному желанию. В 1982 году набор в пограничные войска в Сызранском училище был особенно большим. Оно и понятно – война в Афганистане набирала обороты. Почти половина выпускников написала рапорта с просьбой направить их в ДРА.

После окончания училища, в июле восемьдесят второго, я прибыл в Ашхабад, где получил назначение на должность летчика-штурмана в Душанбинскую эскадрилью. Там прошел программу ввода в строй. Спустя четыре месяца – командировка в Афганистан и первый боевой вылет.

Герой Советского Союза майор Валерий Попков

Это было 18 ноября восемьдесят второго года. Экипаж, в состав которого я входил, получил задачу нанести удар по опорному пункту противника. Когда долетели до места, началась такая кутерьма, что я несколько растерялся – куда смотреть, что делать! Хорошо, командир экипажа понял мое состояние. Успокоил, мол, научись. И действительно, я быстро научился не терять самообладания в боевой обстановке. Вылеты стали для меня повседневной боевой работой.

Мне здорово помогло наставничество опытных сослуживцев. Подполковник Фарит Шагалеев, майор Анатолий Помыткин, старшие лейтенанты Александр Петренко и Владимир Перов щедро делились своими знаниями. Но особую помощь оказал командир части полковник Вячеслав Сухов, он многое сделал для становления меня и как пилота, и как военного человека.

Душанбинская эскадрилья в те годы играла важнейшую роль, зачастую становясь для наземных пограничных подразделений единственным средством поддержки. В горах, где почти нет дорог, где малочисленные подразделения остаются с противником один на один, без соседа справа и слева, только вертолет может обеспечить снабжение и огневую поддержку. Неудивительно, что вертолетчики нашей эскадрильи работали в самом напряженном режиме. 118–220 дней в году они поддерживали советских пограничников на сопредельной территории, а в остальное время выполняли привычные задачи по охране государственной границы.

Ми-8 машина, в первую очередь, «транспортная», и лишь затем – «боевая», поэтому, прежде всего, приходилось заниматься обеспечением. Доставляли на «точки» грузы: боеприпасы, воду, продовольствие, топливо. Но и боевая составляющая была ощутимая. Мне довелось участвовать в ряде крупных операций в Ташкургане, Мармоле, Мазари-Шарифе. Проходили они по отработанной схеме. Разведка выявляла скопления формирований непримиримой оппозиции, затем по цели работали штурмовики, следом шли вертолеты огневой поддержки. И лишь после этого огненного шквала на землю высаживались десантники. Иногда схема менялась: сначала удары наносили вертолеты, а затем штурмовики, но главным было одно – максимально сократить людские потери.

Людей в Афганистане берегли, как могли, а технику, напротив, не жалели. Иногда для проведения операций создавались авиагруппы численностью до сорока вертолетов! Да и в обычные дни на полевых аэродромах постоянно дежурили экипажи, готовые прикрыть заставы в случае нападения.

Почти сразу довелось столкнуться с реалиями войны. Буквально через неделю после прибытия в эскадрилью под Чахи-Абом был сбит вертолет. Экипаж погиб. Потом были другие потери, в том числе и среди тех, кого я знал лично. Во время операции под Мазари-Шарифом погиб экипаж Рускевича. В октябре 85-го сторел с машиной одноклассник по училищу – Виктор Шипарев. По чьей-то глупости в части, ведущей реальные боевые действия, объявили учебную тревогу, которую все восприняли как боевую. Экипаж Шипарева, стремясь покинуть аэродром, по какой-то причине не включил обе гидросистемы. Вертолет приподнялся, а затем резко рухнул вниз. Все погибли. Почему так случилось, никто не мог объяснить – экипаж Шипарева считался опытным. Видимо, причиной была спешка. На фотографии курсантских лет мы, с Виктором, рядом стоим, улыбаемся...

Майор Валерий Попков инструктирует экипаж

Поначалу противник не мог эффективно противостоять советским вертолетам. Боевики стреляли плохо, машины получали неопасные повреждения. Во время одной из операций, на втором заходе, мой вертолет напоролся на ДШК. На земле полыхнула яркая вспышка, как от сварки. Однако обошлось только пробойной в районе хвостовой балки.

В первые два года мы летали на высотах свыше двух тысяч метров, избегая районов, где находились банды, располагающие зенитными пулеметами. Но скоро западные инструкторы подсутились, научили «духов» стрелять метко. Появились переносные зенитно-ракетные комплексы, сначала – «Стрелы» и «Блоупайпы», а затем и «Стингеры». Вертолетчики были вынуждены летать на малых и сверхмалых высотах, где эффективность ПЗРК была ниже. Но здесь уже подстерегала опасность быть подстреленным из стрелкового оружия. Причем стреляли «духи», как правило, по экипажу. В 86-м от такого – снайперского выстрела погиб борттехник. После боя в машине осталась, всего-то одна пробойна, а человека – нет.

Восемьдесят шестой год вообще выдался особенно жарким. Операции следовали одна за другой. Число боевых вылетов росло день ото дня. Помимо Ми-8 на вооружение поступили Ми-24 (в войсках их прозвали «горбатыми»). Я продолжал летать на Ми-8 – штурманом в экипаже командира эскадрильи майора Болгова.

Один вылет запомнился особенно. Во время очередной операции вертолеты должны были поддерживать действия наземных подразделений. Ми-24 наносили ракетно-бомбовые удары по опорному пункту, а Ми-8 занимались обеспечением. В разгар боев наш экипаж получил задачу эвакуировать раненых. Вертолет добрался до точки эвакуации, подобрал раненых, поднялся в воздух. Неожиданно в эфире послышалось: «Падает горбатый! Сбит!» Подбитой оказалась машина лейтенанта Стрельцова, напоравшаяся на огонь ДШК. При падении Стрельцов сумел развернуть вертолет хвостовой балкой к земле. Удар ослаб, и экипаж выжил. Однако бандиты были рядом, следовало поспешить на выручку. Наш экипаж оказался ближе всех.

Один из первых Ми-24 Душанбинского авиаполка модификации «В» с подвижной пулеметной установкой

Болгов быстро обнаружил сбитого «горбатого» и направил свою машину к месту падения. Боевики тут же перенесли огонь на транспортный вертолет. На машину обрушился шквал огня. От попаданий загорелся и вышел из строя левый двигатель. Сработала система пожаротушения, и вертолет продолжал оставаться в воздухе. Когда зависли около сбитого вертолета, на землю прыгнул борттехник – старший лейтенант Алексей Ибатулин. Под плотным огнем противника он добежал до Ми-24, прикладом автомата разбил фонари кабин пилота и оператора и помог им выбраться наружу. Едва спасенные оказались на борту Ми-8, вертолет взлетел. Вся машина была в отметилах от вражеских пуль, однако ни раненые, ни спасенные вертолетчики не пострадали.

Валерий Попков родился 24 марта 1961 года в поселке Кильмезь Сюмсинского района Удмуртской АССР. В 1978 году после окончания средней школы поступил в Сызранское высшее военное авиационное училище летчиков. В 1982 году Попков был направлен в пограничные войска. С 28 июня 1982 года – старший летчик-штурман, затем штурман звена вертолетов Ми-8 Отдельного авиационного полка Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР. С декабря 1986 года В. Попков – командир вертолета Ми-8 этого же полка. Будучи командиром экипажа вертолета, капитан В. Попков воевал в Афганистане вплоть до окончания боевых действий в феврале 1989 года. В апреле 1989 года В. Попкову присвоили звание Героя Советского Союза. Он совершил более 2500 боевых вылетов. Летал днем и ночью, в самых сложных метеоусловиях.

В июне 1989 года Валерий Филиппович был назначен командиром звена вертолетов Ми-8. А уже через год он стал слушателем Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина. В августе 1993 года Попков назначен командиром вертолетной эскадрильи Отдельного Арктического авиационного полка пограничных войск Министерства безопасности РФ. С марта 1994 года он офицер планирования службы авиации управления командующего авиацией Пограничных войск РФ. 30 апреля 1996 года Валерию Филипповичу досрочно присвоено звание «полковник». После окончания докторантуры и адъюнктуры Академии ФПС России,

его назначают преподавателем на кафедре тактики и оперативного искусства авиационных соединений и частей Академии ФПС России.

Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени, медалями.

Владимир Казанник

В 60-х – начале 70-х годов, то есть до того, как развернулись основные события в Афганистане, я, в то время начальник заставы, был очевидцем событий, происходивших на сопредельной территории. В тот период мы регулярно наблюдали передвигающиеся вдоль советско-афганского участка границы в сторону Ирана группы провокаторов. Эти перемещения сопровождалось громкими недружелюбными выкриками в нашу сторону. Афганские официальные власти не препятствовали этим антисоветским выходкам.

Одновременно на многих участках госграницы появлялись группы французов, западных немцев, англичан – под видом археологов они изучали систему охраны наших рубежей, реакцию пограничников и местного населения на провокации и политическую обстановку в самом Афганистане. Периодически и на афганских пограничных постах появлялись группы иностранных граждан, которые вели наблюдение за советской территорией с использованием оптических средств.

В городе Мазари-Шарифе, Балхской провинции, американцы под видом региональной сельскохозяйственной станции построили радар, который контролировал территорию советских среднеазиатских республик вплоть до Урала.

В устье пограничной речки Кундуз, впадающей в Амударью (напротив 19-й заставы Термезского отряда), японцы организовали «рыбную артель». Представители морской державы за тысячи километров от дома ловили рыбу в маленькой речушке? Просто смешно! Настоящая цель этой «рыбной артели» нам была очевидна.

В начале 70-х в погранкомиссарском аппарате была проведена замена офицеров пограничной жандармерии, дружелюбно относившихся к Советскому Союзу, на офицеров, прошедших 10-летнюю подготовку в ФРГ. В результате этих оргштатных мероприятий работа на погранпредставительских встречах стала непрогнозируемой. Афганские погранкомиссары постоянно затевали конфликты с советской стороной по ряду оспариваемых ими островов на реках Пяндж и Амударья на участках Пянджского и Термезского погранотрядов. Прибывшие офицеры, а также офицеры безопасности и представители местной власти в афганском прикордонье активно проводили антисоветскую пропаганду среди местного населения.

Собственно на территорию Афганистана пограничная судьба забросила меня в октябре 1980 года. В 1981-м я был назначен заместителем начальника Краснознаменного Тахта-Базарского пограничного отряда. Зоной ответственности части была 100-километровая полоса местности в глубину и 530 километров по фронту на территории Гератской, Бадгизской и Фариабской провинций Афганистана. Здесь действовали сотни различных бандформирований. Требования командования в отношении данных обстановки о противнике были жесткими. Имена и фамилии главарей и их заместителей, боевой состав, вооружение, места дислокации, зоны ответственности, укрепленные участки, основные и запасные маршруты передвижения, места ночевки, принадлежность к той или иной группировке – всей этой информацией мне необходимо было располагать. Кроме того, ежедневно командование округа и оперативной группы ожидало донесений о текущей обстановке. Это была огромная ответственность, ведь от точности наших данных зачастую зависел исход боевых действий.

Вспоминается октябрь 1980 года. Меня командировали в поселок Рустак Тахорской провинции. Наша мотомангруппа возвращалась к месту дислокации после выполнения боевой задачи. Колонна двигалась по дну пересохшей реки вдоль высоких крутых берегов. В 25 кило-

метрах юго-восточнее поселка Рустак бандгруппа устроила нам засаду. Противник рассредоточился по обоим берегам на широком фронте и замаскировался.

Начало темнеть. На очередном повороте БТР, в котором я находился на командирском месте, подорвался на mine. Основной удар пришелся на кормовую часть. Досталось всему экипажу. Я был контужен и ранен. На броне боевой машины ехала группа афганских ополченцев. При взрыве некоторых из них тоже ранило, несколько человек погибли.

Подрыв БТР был для душманов сигналом к активным действиям. Бандиты открыли ураганный ружейно-пулеметный огонь. Жестокий бой длился около двух часов. Позже данные разведки показали, что враг понес значительные потери.

Игорь Белов

Я прибыл в Афганистан из Забайкалья, где был, начальником инженерной службы Приаргунского пограничного отряда. То, как я попал в ДРА, довольно-таки примечательно. В Приаргунском отряде шло строительство инженерного прикрытия границы в районе Хингана – тянулась система, создавалась рокадная дорога. Из Москвы пришел план строительства дороги, который был слабо применим к реальной местности. Я внес в него коррективы и, что называется «спрямил» дорогу. Столичные чиновники подняли шум. Шутка ли – майор выступил против всего инженерного управления. Дорога была построена за пятнадцать дней. После некоторых препирательств, Москва признала мой план, после чего я получил повышение. На выбор предложили две должности. Одна была в «тьму таракани», другая – в Афганистане. Я выбрал Афганистан.

Через неделю прибыло предписание – отправиться в оперативную группу округа, в Пяндже. Это было весной 1981 года. Как раз в это время в Куфабском ущелье проводилась операция «Весна-81».

Прибыл в Пянджский отряд. Там была оперативная группа. Там же базировалась нештатная ДШМГ, в которую набирали людей со всего округа. И, как водится, призывали направлять в это подразделение самых лучших военнослужащих, а командиры отдавали самых лучших. В результате в группу попали наиболее отъявленные нарушители воинской дисциплины, настоящие головорезы. Как ни странно, это сыграло положительную роль, поскольку именно такие ребята обладали такими замечательными качествами, как бесшабашность и умение быстро и творчески мыслить, несвойственными «отличникам боевой и политической».

Взлетели. Смотрю – мы уже летим на «той стороне», над Афганистаном. Шли на Куфабское ущелье, в район Сейдана. Оно было узким, среди протекала речка. Я летел на втором «борту». Когда машина пошла на посадку, по кабине что-то застучало, словно в нее кто-то кидал камни. Оказалось, это вовсе не камни, а крупнокалиберный пулемет ДШК, который бил по вертолетам чуть ли не в упор! Площадка десантирования оказалась аккурат в центре душманского логова.

Выпрыгнули. Вместе со мной десантировались врач и офицер-«особист». Оказавшись на земле, я немного ошалел от грохота раздававшегося повсюду. Словно над площадкой разразилась гроза. И дым повсюду, такой черный вязкий дым вперемешку с пылью. Тут меня кто-то ударом в спину сбил с ног. Я лежу не стреляю, пытаюсь разобраться – что же происходит?

Неподалеку лежал боец-пулеметчик, который стрелял в белый свет, как в копеечку. Вражеский ДШК находился за огромным валуном, из-за которого его практически не было видно, зато вражеский расчет мог стрелять по вертолетам почти в упор. Гляжу, «особист», который выпрыгнул вместе со мной, подползает к пулеметчику, отбирает пулемет и сам начинает вести из него огонь. Оказывается он увидел, где именно находится расчет вражеского ДШК. Точными очередями «особист» успел расстрелять его, но тут вражеская пуля попала ему в голову. Это происходило буквально рядом со мной. Пуля, видимо, была от «бура» – крупного калибра,

шансов выжить у «особиста» не было... Это была первая смерть, которую я увидел на той войне. Вовек не забуду того офицера, он был откуда-то из Алма-Аты.

Чтобы уйти из-под вражеского огня часть десанта, в том числе и я, загрузились в вертолеты и вернулись обратно – на нашу территорию. Остальные остались вести бой. В Пяндже царил суматоха. Вертолеты один за другим грузились десантом и волнами уходили к месту боя. Уже ночью пришло сообщение, что одна из групп в Куфабском ущелье вступила в бой с противником, в ходе которого был ранен в шею офицер оперативной группы. А утром операция развернулась с новой силой...

Часть 2 На пике войны

С января 1982 по середину 1988 года война в Афганистане вступила в свою пиковую стадию, когда обе стороны пытались переломить ход войны в свою пользу, делая ставку на силу. К тому времени, силами США и их союзников ситуация в Афганистане стала стремительно ухудшаться. Благодаря щедрому финансированию в ДРА хлынул поток современного вооружения, а в созданных на территории Пакистана тренировочных лагерях на регулярной основе была начата подготовка большого числа сторонников так называемой вооруженной оппозиции.

Прибытие первого Ми-26 в Душанбинский авиаполк. Офицеры полка вместе с представителями ОКБ имени Миля. 1983 год

Ответом со стороны КГБ СССР стало существенное наращивание группировки в зоне ответственности советских пограничных войск. В 1982 году на территорию Афганистана, взамен сформированных на нештатной основе сводных боевых отрядов (СБО), были введены хорошо укомплектованные моотоманевренные группы (ММГ). Эти подразделения взяли под плотный контроль прилегающие территории, лишая противника возможности активно действовать у рубежа СССР. На первом этапе в ДРА было введено семь мотоманевренных групп, расположившихся в 70—100 километрах от границы. Позже зона ответственности пограничников в ДРА достигла глубины в 150 км. Численность группировки пограничников в тот период достигала 7,5 тысяч человек.

ММГ дополнили десантно-штурмовые маневренные группы (ДШМГ). Действуя с вертолетов эти специальные подразделения пограничных войск могли наносить удары по противнику в самых неожиданных местах. Кроме того, была существенно увеличена численность пограничной авиации. В КСАПО, вместо одной эскадрильи были развернуты два авиаполка – в Мары и Душанбе. В Восточном пограничном округе активно действовали вертолеты Бурундийской эскадрильи, которая, в дальнейшем, также был развернута до авиаполка. Погранич-

ные авиаполки были насыщены новейшей, на тот момент, техникой – вертолетами Ми-8МТ, Ми-24, Ми-26.

Война – день за днем

Геннадий Згерский

В канун 1982 года было принято решение о формировании в каждом объединении мотоманевренной группы для действий в Афганистане. Командование округов подошло к этой сложной задаче весьма ответственно и добросовестно. Подобрали хороших людей, надежную боевую технику и вооружение. Даже стройматериалы для обустройства в полевых условиях подразделения эшелонами везли с собой. 8 января 1982 года мы одновременно ввели эти мотоманевренные группы во все северные провинции Афганистана, за исключением Герата и Кундуза, где стояла 201-я армейская дивизия, хотя и эти районы все равно оставались в зоне ответственности наших ближайших гарнизонов.

Прежде чем вводить подразделения, мы провели целый комплекс мероприятий по их боевому слаживанию, в течение месяца готовили прибывший личный состав к предстоящим действиям в условиях реальной боевой обстановки. Свою положительную роль сыграло наше решение усилить вводимые мотоманевренные группы операторами-наводчиками группового оружия, которые уже прошли обкатку Афганистаном и имели боевой опыт.

Вспоминается один забавный случай, когда в полевой учебный центр в Керках приехал с проверкой первый заместитель начальника пограничных войск генерал-полковник Вертелко, курировавший наши действия в Афганистане. Он обратил внимание на нестандартную подготовку стрелка при ведении огня из АГС-17, грудью ложившегося на лафет, и спросил, кто этому его научил. «Душманы», – ответил солдат. Иван Петрович, считая бойца необстрелянным, выразил сомнение и попросил произвести прицельную стрельбу по мишеням. К удивлению генерала цели были поражены с первых же очередей. Генерал обнял солдата и подарил ему со своей руки часы.

Когда мы вошли в Афганистан ситуация, как бы вернулась в прошлое. Мотоманевренная группа входит в Гульхану. Вдоль дороги стоят ее жители с различными угощениями в надежде, что шурави не будут их обижать. Командир группы просит старейшин собрать людей и объясняет, что советские пограничники пришли помогать и защищать их. «Если будет трудно – обращайтесь, по возможности будем решать ваши проблемы», – подводит офицер итог своему выступлению. После этого по всему северному Афганистану пошла о пограничниках добрая молва.

Нашего солдата считали особенным человеком, очень доброжелательно к нам относились, даже бандиты уважали. Да, воевали, отстаивали свою идею, но при этом они не презирали пограничников, не воспринимали их как завоевателей. Как-то ошибочно в 10 километрах от нужной точки высадили на афганской территории начальника разведки Пянджского пограничного отряда. Так он беспрепятственно прошел по «зеленке» до Иман Сахиба через густонаселенные, ставшие пристанищем бандитов районы. И никто его не тронул.

Операция по вводу была достаточно непростой и заняла не один день. В ходе нового этапа деятельности перед пограничниками стояла задача ликвидировать «осиные гнезда» бандитов в зоне нашей ответственности от границы до автодороги, соединяющей центры северных провинций, в среднем на глубину до 100 километров. Где-то к середине 1983 года мы с этой задачей справились. Основные базы душманов были нами ликвидированы, бандформирования рассеяны или уничтожены, организованное сопротивление практически сломлено. Конечно, оставалась еще пособническая среда, мелкие группы, но они серьезной угрозы уже не представляли ни для нас, ни для афганских властей.

На иранском участке государственной границы, который охраняли так называемые невоюющие отряды, нам доставлял много хлопот левый фланг на стыке границ Таджикистана с Туркменией и Афганистана с Ираном. Через Зульфагарский проход испокон века осуществлялась контрабанда наркотиков. Сложный рельеф горно- скалистой местности не позволял наглухо закрыть этот канал. По протоптанным маршрутам афганцы переправляли в Иран наркотики, а взамен везли оружие и боеприпасы для бандгрупп, действовавших в районе, прилегающем к стыку. Мы не только контролировали движение караванов, но и всячески этому противодействовали, устраивая засады и вступая в огневое соприкосновение. Держали специальную боевую группу на участке Серахского пограничного отряда. На остальном иранском участке обстановка, несмотря на внешнюю лояльность пограничных представителей сопредельного государства, также требовала держать порох сухим.

Морскую границу охраняли малые корабли Красноводского дивизиона, а также сторожевики Бакинской бригады, находившиеся в оперативном подчинении округа. Затем обстановка потребовала усилить охрану на Амударье. Для этого на базе дивизиона в Термезе была сформирована бригада сторожевых кораблей.

Как бы ни складывалась ситуация там, «за речкой», мы твердо знали, что у нас крепкий, надежный тыл, за нами страна, которая в нас верит, ждет, надеется и всегда готова поддержать. У нас были самые теплые отношения с руководством всех трех среднеазиатских республик. Я взял за правило ежеквартально доводить до их руководителей оперативную обстановку на участке округа. Брал карту, ехал к первому секретарю ЦК компартии республики или обкома и докладывал обстановку на их направлении, включая ситуацию по Афганистану. К этому меня ничто и никто не обязывал, но для развития взаимоотношений, понимания и представления о том, что здесь делают пограничники, было очень важно. В последующем, если нам было что-то нужно, я обращался к ним и никогда не получал отказа.

При организации бригады остро встал вопрос расселения прибывающих офицеров и мичманов, членов их семей. Я встретился с одним из местных руководителей, а затем по его совету – с главой республики Рашидовым, объяснил суть проблемы. Спустя некоторое время власти нам предоставили новый 46-квартирный дом. Так было и в Марых, и в других местах. Мы всегда с местным руководством жили душа в душу, и они понимали, что нам надо помогать. Среднеазиатские республики здорово нас выручили с призывом в пограничные войска выпускников вузов. Мы их использовали в качестве переводчиков с фарси и дари.

Если бы мы не поддерживались и не развивались добрые традиции дружбы и взаимопомощи, нам в Афганистане пришлось бы очень тяжело. Этот опыт не только личный, но и исторический.

Когда в 1922 году части Красной армии вышли к границе, а чуть позже образовался пограничный округ, местное население, преимущественно дехкане, жило очень бедно и зачастую именно «зеленые фуражки» были для них и защитниками, и врачами, и учителями. Во время борьбы с басмачеством это позволило активно опираться на помощь населения и в конечном итоге одержать победу.

Иван Коробейников

В Краснознаменном Среднеазиатском пограничном округе, на различных командных должностях я отслужил семь лет. До того служил в Кишиневе, на должности начальника Кишиневского пограничного отряда. В 1983-м году я готовился к должности заместителя начальника штаба войск Закавказского округа. Но тут, на меня «вышел» сам руководитель пограничных войск генерал армии Вадим Матросов: «Поедете в Среднеазиатский округ. И не по службе, а по войне». Так я оказался в Среднеазиатском пограничном округе. Все время моей службы в КСАПО было связано с Афганистаном.

Я возглавлял Оперативную группу КСАПО. Численность группы первоначально составляла около 100 человек. В нее входили специалисты различных направлений: операторы, которые контролировали обстановку, разведчики, связисты, специалисты тыла, инженеры, политработники. Вместе с офицерами отрядов мы планировали боевые операции, подтягивали необходимые силы и средства, организовывали связь, готовили личный состав к проведению боевых операций, руководили этими боевыми действиями. Многие операции я организовывал и проводил под руководством генералов Геннадия Згерского и Владимира Шляхтина.

Заместитель начальника войск Среднеазиатского погранокруга – начальник оперативной группы в ДРА генерал-майор Иван Коробейников

Основной задачей наших пограничников в Афганистане было недопущение вооруженного воздействия через границу на советскую территорию, оказание помощи в становлении органов народной власти, разгром активных бандформирований и ликвидация бандглаварей. Еще до моего прибытия в Среднеазиатский округ наши спецподразделения провели серию успешных боевых операций, оттеснив наиболее боеспособные вооруженные формирования моджахедов вглубь афганской территории. По мере возрастания важности направлений они были размещены по всему фронту. За время афганской кампании их количество возросло с 6 до 20.

Боевые операции проводились практически непрерывно. Разведчики собирали информацию о состоянии и намерениях бандгрупп и местах их сосредоточения. Округ анализировал обстановку и направлял предложения в ГУПВ. Там наши предложения изучали и, как правило, утверждали. Так разрабатывались плановые операции, но были и частные – по отдельным направлениям.

Совещание у генерал-майора Ивана Коробейникова

Лично мне пришлось руководить и одной из крупнейших операций – в горах Альбурз к западу от Мазари-Шарифа. Проводилась она летом 1986 года. В операции участвовали пограничные мангруппы, авиация 40-й армии, подразделения афганской армии и цорандоя. В глубоком П-образном ущелье, где обосновались бандиты, была очень грамотно выстроена оборона. Хорошо замаскированные позиции прикрывали друг друга. Подходы к краям ущелья были заминированы. В той операции моджахеды понесли большие потери. Мы разгромили их, но серьезные потери были и у нас. В качестве трофеев нам досталось большое количество оружия и боеприпасов.

Благодаря непрерывной череде боевых операций, мы сумели снизить возможность вооруженного влияния на территорию Советского Союза, но попытки такие все же предпринимались. 8 марта 1988 года обстреляли Пяндж. Моджахеды успели сделать один залп из 8-ствольной реактивной установки и несколько выстрелов из безоткатных орудий. Но особого вреда

не причинили. Командиры Пянджской десантно-штурмовой мангруппы быстро сориентировались, и дежурный минометный расчет тут же открыл ответный огонь. Потом мы провели операцию, в результате которой была ликвидирована группировка противника, которая на автомобильных прицепах подтянула к границе по реке Пяндж безоткатные орудия и реактивную установку.

Случались и курьезы. На участке Тахта-Базарского отряда паслось несколько отар овец. Одну из них угнали моджахеды. Нам с Иваном Петровичем Вертелко пришлось организовать «Баранью операцию». Отару мы вернули, бандитов наказали.

Следует отметить, что мотивация личного состава пограничных подразделений, находившихся в Афганистане, была очень высока. Был случай, когда военнослужащие, первыми подлежащие увольнению, отказались уходить из боевого состава мотоманевренных групп и ДШМГ в запас. Мы уже подготовили и должны были доставить туда, в состав этих мотоманевренных групп, молодежь. Но я получил из каждого отряда кипу рапортов от старослужащих с просьбой остаться в Афганистане до вывода войск. Они понимали, что в случае вывода их из ДРА наши подразделения серьезно потеряют в численности или же будут укомплектованы молодыми бойцами, которые в силу отсутствия опыта могут понести значительные потери. Ко мне даже приезжала комиссия из Политуправления, чтобы выяснить, не мы ли принудили солдат отказаться от увольнения в срок.

Почему они поступили так? Там, на войне, рядом со мной были особые люди. Личный состав мангрупп имел значительный боевой опыт, полученный в ходе предшествующих боевых операций, и обладал высокими морально-боевыми качествами. Здорово проявили себя артиллеристы. Водители с риском попасть на мину снабжали наши мотоманевренные группы всем необходимым – от продовольствия до боеприпасов. А саперы наши? Сколько они людей спасли!

Иван Петрович Вертелко пересадил нас практически с обычных машин на бронетехнику. И мы научились тактически грамотно применять ее при проведении боевых операций. А ведь приходилось еще совершать марши по 100–200 километров, обслуживать, ремонтировать эту технику. Причем все это нужно было организовать и применить таким способом, чтобы выйти победителями из любого боестолкновения. И ребята со всем этим отлично справлялись. Это были Люди!

В дополнение к бронетранспортерам подразделения пограничников, действовавших «за речкой» были усилены бронетехникой – БМП-1

Я с теплотой вспоминаю те дни, когда мы жили душа в душу с народом Туркмении, Узбекистана, Азербайджана... Нас всегда поддерживало руководство республик, а мы помогали ему решать проблемы, связанные с военной сферой. Также мы вывозили на вертолетах сухофрукты из Хорога, где не было возможности транспортировать их через перевал. Мы отправляли в горы геологоразведочные партии и следили за уровнем воды в ледниковых хранилищах, чтобы в случае опасности наводнения предупредить местных жителей. Мы лечили их больных, а они – наших раненых... Из этого складывается теплота восприятия места службы. Но главный капитал, конечно, люди. У нас в Афганистане не было ни дедовщины, ни даже шуток издевательского характера. А если и случались инциденты, то они не приводили к чрезвычайным происшествиям типа расстрелов или драк. За годы моего руководства в округ поступило много выпускников академий, все они прекрасно себя проявили. Рядом со мной служили лучшие люди погранвойск Союза!

Хочу сказать спасибо нашим политработникам. Они всегда были в боевых порядках, а при необходимости их возглавляли. Они не прятались за спины солдат, воодушевляли их в бою. Моя особая признательность моему соученику, другу, комиссару генерал-лейтенанту Александру Сергеевичу Артемову!

Огромное спасибо нашим врачам, фельдшерам, медсестричкам. Два наших госпиталя и республиканские медицинские учреждения вернули к жизни более 2500 раненых солдат и офицеров! А операция Юрия Воробьева по изъятию из тела солдата гранаты на боевом взводе вообще уникальна в области военной медицины.

Генерал-лейтенант Иван Коробейников родился 19 апреля 1939 года в селе Бехтеевка, Белгородской области. По окончании Корочанской средней школы, в 1956 году поступил в Амвросиевский индустриальный техникум. В 1958 году был призван в пограничные войска. Служил в Хасанском погранотряде Тихоокеанского пограничного округа. В 1962 году окончил Московское пограничное училище. Служил на должности командира взвода ОКПП «Рени», заместителя начальника погранзаставы Октемберьянского пограничного отряда, а затем – начальника этой заставы.

В 1966 году Иван Михайлович поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1969—1975-м работал преподавателем Алма-Атинского высшего пограничного командного училища имени Ф. Э. Дзержинского. В 1975 – 1978-м проходил службу на должности начальника 1-го отделения штаба Ленкоранского пограничного отряда, в 1978—1980-м – начальника штаба Гадрудского пограничного отряда, в 1980—1983-м – начальника Кишиневского пограничного отряда.

В 1983 году прибыл в Среднеазиатский пограничный округ, где занимал должности начальника Оперативной группы КСАПО, заместителя начальника штаба КСАПО, 1-го заместителя начальника войск КСАПО. С февраля 1987-го по февраль 1990 года – командующий Среднеазиатским пограничным округом КГБ СССР. Избирался членом ЦК компартии Таджикистана.

В 1990—1992 годы Коробейников – начальник Управления боевой подготовки Пограничных войск. В 1992-м был назначен на должность начальника штаба Комитета по охране границы Российской Федерации. С 1992-го по 1996-й – председатель Координационной службы Совета командующих Пограничными войсками государств – участников СНГ.

Кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР». Награжден рядом медалей.

Сергей Минаков

Период обеспечения безопасности границы сводными боевыми отрядами был достаточно краткосрочным. Мы пришли к выводу, что необходимо закрепляться на афганской территории стационарно, на постоянной основе, перекрывая всю зону ответственности вдоль границы. На смену СБО пришли мотоманевренные группы (ММГ). Они были оснащены бронетехникой (БТР и БМП) и минометами, имели прикрытие с воздуха.

Ввод мангрупп был осуществлен достаточно быстро – за месяц – полтора. В большинстве случаев мангруппы обустраивались в чистом поле. Некоторым, в этом смысле везло – например, мангруппе дислоцировавшейся в Ташкургане, местные власти выделили для размещения шахский дворец. Сначала отнеслись к этому известию, как к преувеличению. Но, когда наши пограничники туда прибыли, оказалось, что действительно – их ждал самый настоящий дворец. В нем был даже бассейн, с изумрудной водой!

Управление мотомангруппами на местах осуществляли полевые оперативные группы, которые размещались в ключевых пунктах афганского приграничья: Талукане (провинция Тахор), Кундузе, Мазари-Шарифе, Ташкургане, Меймене, Кайсар, Маламургаб, Калай-Нау. Что любопытно, эти группы держали связь непосредственно с Москвой – Командующий пограничными войсками генерал В. А. Матросов лично следил за обстановкой в ДРА. Он требовал доклады от опергрупп утром и вечером, а иногда и ночью. Копия переговоров отправлялась в Ашхабад – в штаб Среднеазиатского пограничного округа.

Каждая полевая оперативная группа отвечала за определенную зону, осуществляя повседневную оперативно-боевую деятельность. В основном они действовали в соответствии с полученной информацией о противнике, а также готовили данные для подготовки более крупных операций, проводившихся силами округа. В таких масштабных операциях могло участвовать сразу несколько мотомангрупп и два авиаполка.

Наша оперативная группа занималась руководством и координацией усилий на всем участке ответственности Среднеазиатского пограничного округа. Возглавлял группу генерал-майор Анатолий Борисов. В связи с ростом задач, стоявших перед опергруппой, ее штат был увеличен, появились структурные подразделения.

Бойцы мангруппы на БМП-1

Во время ввода оперативных групп на территорию ДРА, я находился на Пянджском направлении. Там происходил ввод мангрупп в Имам-Сахиб и далее – в Талукан. Дело было зимой. Холод был буквально собачий. Как назло, не было ни нормальных укрытий, ни дров. Чтобы спастись от холода, ночью мы забирались в бронетранспортер. Когда водитель включал печку, становилось тепло. Но печку можно было держать включенной непродолжительное время. Едва печка выключалась, тепло почти мгновенно уходило через железный корпус, а с потолка начинал капать конденсат.

Чуть позже мангруппа, в составе которой я находился, окопалась южнее Имам-Сахиба, у кишлака Дашти-Арчи. Там была сплошная жилая застройка. В кишлаке нам выделили под расположение местную больницу. Хорошее капитальное здание, построенное еще в мирное время, то ли чехами, то ли – болгарами. Там удалось, наконец-то, согреться!

После того, как мангруппы заняли отведенные им точки, начались крупные операции по очистке от противника окрестных районов. В ходе их проведения учитывался опыт неудачной Куфабской операции. Операции эти проходили в 1982—83 годы, силами округа. Они состоялись в ряде районов провинции Кундуз – Имам-Сахибе, Дашти-Арчи Чахи-Абе, Дашти-Кале, на острове Даркад. Это так называемая «зеленка» – зона, поросшая густым летом, в котором успешно скрывались бандиты. Отыскать противника здесь было крайне сложно, однако пограничникам удавалось успешно решать задачи по очистке территории.

В череде этих операций особо можно выделить те, что проводились под Рустаком и в районе Чахи-Аба, где была большая банда инженера Башира. Операции по ликвидации этой банды проводились с 1981 по 1985 год. Несколько раз приходили данные, что Башир погиб, но всякий раз оказывалось, что это неправда.

После того, как провинция Кундуз, в основном была освобождена от душманов, к нам, из Кабула, прибыли представители афганского руководства и губернатор провинции Кундуз, по совместительству являвшийся членом политбюро НПА. Состоялся прием, на который были приглашены заместитель начальника оперативной группы Мирошниченко и я. Нам накрыли богатый стол: шашлык, плов и все остальное – в восточных традициях. Мы с собой взяли пару бутылок «горячительного». Долго сомневались – стоит ли, страна-то мусульманская. Поэтому

прямо спросили у принимавшей стороны: «Вы водку будете?» Те ответили с энтузиазмом: «Конечно, мы – коммунисты!»

Кстати, что касается спиртного, то вопреки мифам, во время афганских событий, пили мало. «Срочникам» оно не было положено. Офицеры пили редко, разве что за ужином, по сто грамм. Помню, на одной из точек 48-го отряда, на Хауне, долгое время стояли ящики с водкой, никто ими особенно не интересовался.

Большие банды скрывались в «зеленке» и в районе Мазари-Шарифа. Оттуда велись обстрелы не только афганской, но и советской территории (на моей памяти было два таких случая). Здесь также проводились крупные операции силами пограничников. Они охватывали районы Андхоя, Акчи, Балха. Самая значимая из подобных операция была проведена в Мармоле, где у душманов была крупная база. Лично я в ней не принимал участия, поскольку был в отпуске. Но на стадии ее подготовки мне довелось активно поработать. Это происходило в январе 1983 года.

На улицах Мазари-Шарифа

Отдельным видом боевых действий была проводка колонн со снабжением. Бандиты очень внимательно следили за нашими коммуникациями и при любом удобном случае пытались их нарушить. Дороги в Афганистане узкие, особо не развернешься, объездных маршрутов нет, так что засаду организовать несложно. Часто противник минировал пути, случались подрывы. Поэтому прохождение каждой колонны сопровождалось отдельной операцией. По пути следования выбрасывались десанты, которые проводили зачистку «зеленых» зон, брали под контроль господствующие высоты, проверяли маршрут на наличие мин.

Наиболее сложно было доставлять грузы в Талукан. Так же непросто было провести колонны в гарнизоны, дислоцировавшиеся в Меймене, Кайсаре, Гормаче и Калайнау – часто приходилось идти с боями. Для безопасности маршрутов периодически проводились операции по ликвидации бандгрупп, окопавшихся вдоль дорог.

На северо-западе Афганистана пограничники Среднеазиатского пограничного округа также вели боевые действия. Они, в основном, были связаны с ликвидацией маршрутов контрабанды наркотиков в Иран. Они проходили в районах кишлаков Карабах и Карзи-Рияз. Еще

когда я служил в разведотделе 68-го отряда, на нас вышли переговорщики от наркоконтрабандистов. С собой они принесли два мешка денег и предложение – мы обеспечим безопасность на приграничных территориях, а вы, советские пограничники, позвольте нам срезать маршрут через советскую территорию. Мы, конечно же, отправили этих послов с их мешками восвояси, а маршруты, проходившие по афганской территории, перекрыли.

Открытые боевые действия на этом участке границы были редкостью, бывали случаи минирования автодорог, в том числе – на советской территории. Однажды душманы заминировали рокадную дорогу, проходившую вдоль границы. На этой mine подорвалась машина, в которой ехал начальник штаба отряда подполковник Виталий Седых. Водителю УАЗа оторвало ногу, а Седых получил ранение.

Николай Резниченко

В Афганистан я прибыл в марте 1984 года, в звании майора. Принял под командование полевую оперативную группу вместе со 2-й ММГ. Они дислоцировались в Ташкургане. Годом раньше прошел боевую стажировку в Московском пограничном отряде, куда был командирован на 40 суток из Пришибского ПОГО (Это в Закавказье). А вскоре, после военно-врачебной комиссии, без еще какой-либо предварительной подготовки был направлен в Афганистан. Видимо, считалось, что выпускник пограничного училища, тем более Военной академии, априори должен быть приспособлен к боевым условиям.

А уже в апреле я попал на свою первую боевую операцию. Как-то подсчитал, что если убрать количество дней, проведенных в Союзе в отпусках и госпиталях после ранения и контузии, получается 13 месяцев чистого времени моего нахождения в Афганистане. За два года проведено 25 операций. Фактически два раза в месяц на броню – и вперед!

В сентябре 1984 года во время одной из операций в районе кишлаков Калямба и Мармазит неожиданно нарвались на бандитов, вооруженных минометами. Одна из мин попала аккуратно в стык между колесом и бортом БТР. Посекло осколками меня и наводчика. Хотелось утолить жажду, и мне дали воды из фляжки сопровождавшего афганца. В результате, вдобавок к ранению, я заразился брюшным тифом.

Время для чая. В центре начальник Такта-Базарского пограничного отряда полковник Николай Резниченко, в будущем – генерал-полковник, начальник штаба ФПС России

После выписки из госпиталя, еще прихрамывая, отправился на очередную операцию. У кишлака Калайзай контузило взрывом гранаты Валерия Короленко, моего однокашника по учебе в Алма-Атинском училище. Он чудом остался в живых – граната разорвалась над головой, в результате чего офицер потерял слух. На «Чайке» связистов, а это БТР без бортового вооружения, поспешил к нему на выручку. При подъезде на место боя сами чуть не попали в глубокий арык, в запале хотели преодолеть его с ходу, да вовремя остановились. Мы успели вытащить Короленко из-под прицельного огня душманов. В марте 1985 года в результате подрыва БТР на итальянской противотанковой мине контузило уже меня. С тех пор возникли проблемы с позвоночником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.